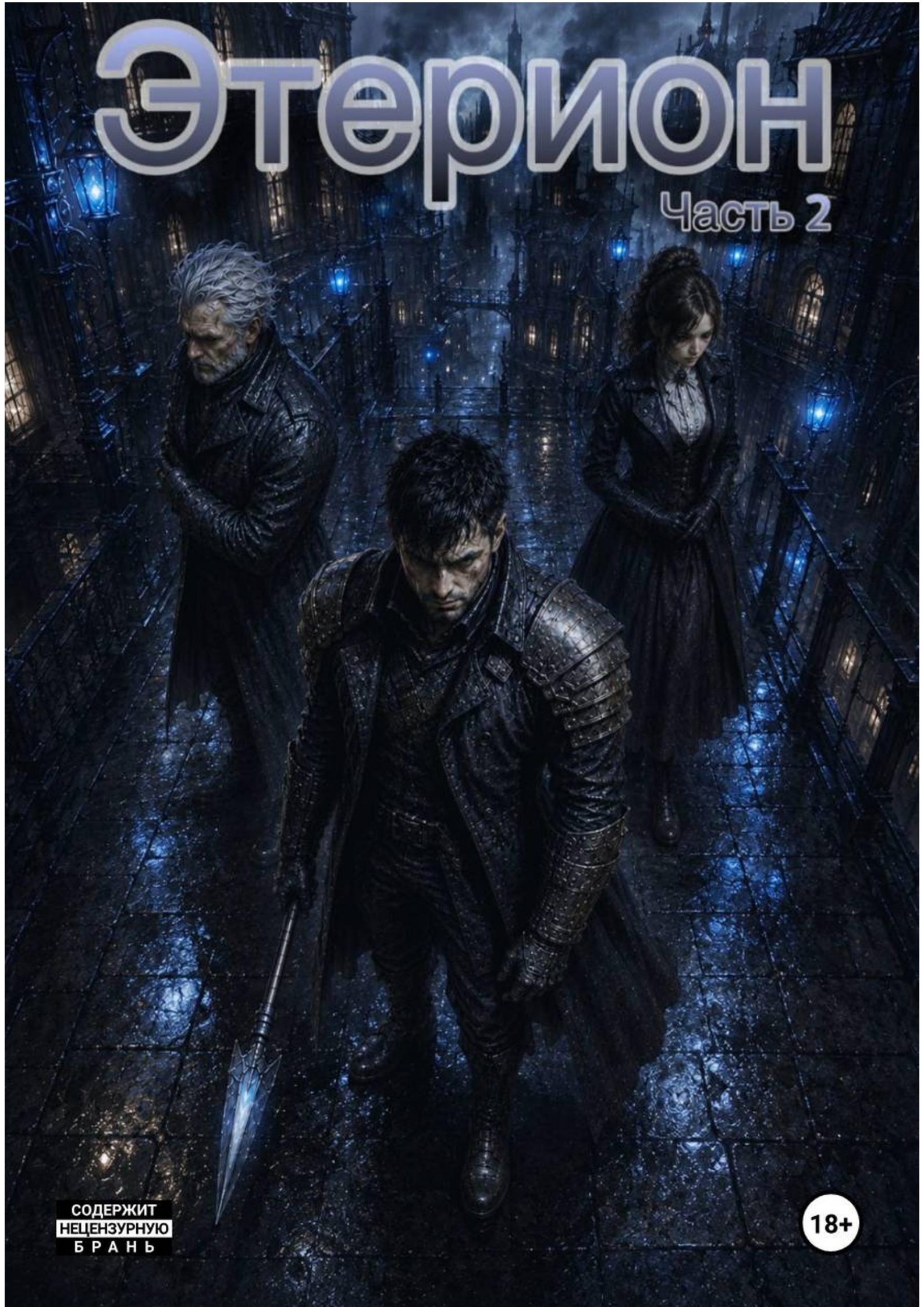

Этерион

Часть 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шамсонов

Этерион 2

«Автор»

2026

Шамсонов А.

Этерион 2 / А. Шамсонов — «Автор», 2026

Трудности только начинаются. Сандор, теперь телохранитель наследницы герцогского дома, отправляется в дипломатическую миссию по вассальным королевствам. Формально — чтобы укрепить союзы. Неформально — чтобы выжить. Их преследуют маги-ренегаты. В тени плетут заговоры таинственные силы. А в забытых шахтах пробуждается нечто, способное стереть саму грань между жизнью и смертью.

© Шамсонов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 21 Переговоры. Часть 1 Кошки-мышки.	5
Глава 22 Переговоры. Часть 2 Друзья друзей.	19
Глава 23 Короли не правят вечно.	29
Глава 24 Развлечения для мужчин.	39
Глава 25 Приоритеты.	51
Глава 26 Великая искра. Часть 1 Безмолвный мальчик.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Шамсонов

Этерион 2

Глава 21 Переговоры. Часть 1 Кошки-мышки.

Ворота Талриана сомкнулись за их спинами с глухим, утробным лязгом металла о камень, и этот звук был подобен финальному аккорду затянувшейся симфонии бегства. Они пересекли незримую черту, отделявшую царство дорожной пыли, пепла и первобытного ужаса от нового, неизвестного мира, который теперь обступал их со всех сторон — мира камня, соли и прохладного морского дыхания. Сандор, на мгновение задержавшись, проследил взглядом за массивными створками, за которыми осталась пустынная равнина, лес, полный теней, и тлеющие угли костра, где была рассказана правда, перевернувшая всё. Впереди же распахивался лабиринт улиц, и ему, привыкшему к открытым пространствам и смертоносной тесноте промышленных цехов, эта городская геометрия казалась чужеродной и таящей в себе угрозу иного рода.

Йоран, королевский представитель, шёл впереди, задавая темп — не быстрый, но уверенный, с той размеренной грацией, что свойственна людям, привыкшим пересекать гладкие каменные полы дворцов, а не спотыкаться о корни. Его плащ с меховой оторочкой, выдававший статус, мягко колыхался в такт шагам. За ним, выстроившись привычным клином, следовали они: Фия, прямая как древко знамени, несмотря на ноющую лодыжку, и Винсент, цеплявшийся за свой портфель как за талисман; за ними — Марта с цепким, хозяйским взглядом; и в арьергарде — Сандор и Отто, две сторожевые тени, разделявшие общее напряжение, но не произносившие ни слова.

Талриан, в отличие от Айронфорджа с его удушающим смрадом и вечным полумраком, встретил их светом и движением. Солнце здесь было ясным, лишённым привычной гиперперсонской дымки, и его лучи, отражаясь от белёных известняковых стен, заливали улицы почти болезненно ярким сиянием. Запах был первым, что обрушилось на них — не гарь и не вонь машинного масла, а густой, многослойный аромат соли, водорослей, мокрого дерева, нагретого камня и сотен экзотических товаров, сливавшийся в единый, терпкий дух оживлённого порта. Он был чуждым, резким, но после смрада горелой плоти и озона казался почти божественным.

Архитектура носила узнаваемые черты Гипериона — та же основательность, те же монументальные линии и пропорции, но сглаженные временем и морским бризом, лишённые имперской металлической агрессии. Здания были скорее каменными, чем стальными, с массивными фасадами из серого и желтоватого гранита, украшенными эркерами и коваными балкончиками. Но доминирующей темой, пронизывающей всё вокруг, было море. Повсюду — резные деревянные барельефы в виде волн, якорей и мифических морских змеев на ставнях и фронтонах. Флюгера на островерхих крышах, покрытых тёмно-синей, отливающей металлом черепицей, были выполнены в форме парусных кораблей и взлетающих чаек. Даже уличные фонари, даже в этот дневной час казавшиеся неуместными, имели основания, стилизованные под витые корабельные канаты и кнехты.

Но больше всего Талриан отличался от столицы цветом и движением. Санвелл был монохромен в своей стерильности, Айронфордж — сер и чёрен от копоти. Здесь же преобладали яркие, чистые тона: выцветшая охра стен, лазурная плитка, бирюзовые и белые полотняные навесы над бесчисленными лавками и палатками, выплёскивавшими свои товары прямо на мостовую. Улицы, широкие и тенистые от густых крон высоких, незнакомых Сандоре деревьев с широкими глянцевыми листьями, были запружены разношёрстной толпой. Моряки в светлых парусиновых робах и шапках с козырьками, купцы в длинных, расшитых восточными узорами халатах, носильщики с бронзовой от загара кожей, катившие бочки с пресной водой

и брусками льда, стайки оборванных мальчишек-газетчиков, выкрикивавших последние новости, — вся эта людская река текла мимо, не обращая на потрёпанных, покрытых дорожной пылью путников особого внимания.

Главная артерия, по которой вёл их Йоран, плавно поднималась вверх, от порта к замку. Портовые кварталы, видневшиеся слева, в просветах между домами, кипели своей, отдельной жизнью. Гигантские причалы уходили далеко в бирюзовую воду, и у них, покачиваясь на ленивых волнах, стояли корабли. Гражданские — гордость Талриана — были величественными трёхмачтовыми парусниками, их высокие борта пестрели гербами купеческих гильдий, а снасти, густо унизывавшие мачты, казались чёрными паутинами на фоне неба. И рядом с ними, в отдельной, огороженной части гавани, виднелись хищные, угловатые силуэты военных кораблей Гипериона. Эти монстры, лишённые парусов, построенные из тёмной, почти чёрной стали, казались грозowymi тучами, пришвартованными к пирсу. Их двигатели, заключённые в бронированные кожухи и питаемые энергией эфирных кристаллов, были нематериальным сердцем, дающим им силу идти против ветра и течения, неся смерть тем, на кого укажет воля императора. Сандор смотрел на них, и в его груди шевельнулось странное, двойное чувство: гордость за мощь своей державы, смешанная с глухим отвращением — ещё одна машина, построенная на костях.

Их путь лежал мимо бесконечных торговых рядов. Лавки, навесы, просто расстеленные на брусчатке холсты ломились от товаров, способных вскружить голову кому угодно, но не этой измученной группе. Груды золотистых апельсинов и лимонов, источавших острый цитрусовый аромат, соседствовали с горами пряностей — шафраном, кардамоном, корицей, — чей запах был настолько силён, что на мгновение перебивал даже вездесущую соль. В одной лавке демонстрировали шелка и бархат из Южных Островов, переливающиеся всеми цветами радуги; в другой — оружие, от простых абордажных сабель до искусно инкрустированных перламутром пистолей на кристаллических батареях; в третьей, заставленной клетками, пронзительно кричали разноцветные попугаи и мелкие, юркие обезьянки. Марта, несмотря на усталость, не могла не задержать взгляд на витрине со стеклянной посудой, настолько тонкой и изящной, что она казалась застывшим морским воздухом.

Но не только торговцы привлекали внимание. Сандор, чьи инстинкты после боя с магом обострились до предела, выхватывал из толпы и другие детали. Попрошаек. Много. Они сидели в тени у стен, на ступенях, у основания фонтанов — оборванные, худые, с пустыми, голодными глазами. Но в их позах не было того тупого, безнадежного отчаяния, что было у рабочих Айронфорджа. Это были скорее хищники, наблюдатели, оценивавшие каждый проходящий кошелек. То тут, то там мелькали угрюмые лица докеров, отдыхавших после смены, и в их взглядах, устремлённых на богато одетых купцов и стражу, сквозила глухая, невысказанная враждебность. Роскошь здесь была вызывающей, а нищета — притаившейся, готовой в любой момент оскалиться. Йоран вёл их слишком уверенно, но Сандор чувствовал, как сам воздух в этих тенистых, прохладных улицах был наэлектризован скрытым напряжением. Это был не мир. Это был вооружённый нейтралитет между сытостью и голодом.

Замок короля Мартина II, возвышавшийся над городом на скалистом плато, был виден почти с любой точки. Он не был похож на эфирные дворцы Креатоса. Это была древняя, приземистая крепость, выросшая прямо из скалы, на которой стояла. Её стены, сложенные из гигантских, почерневших от времени и соли базальтовых блоков, были не просто стенами — они были геологическим продолжением утёса. Талриан рос вокруг замка, как мох нарастает на валун, и сама столица казалась лишь его разросшимся подножием. Широкие пандусы и лестничные марши, украшенные статуями древних мореплавателей и героев, вели к массивным надвратным башням, на вершинах которых, едва заметно подрагивая в нагретом воздухе, горели сигнальные огни на эфирных кристаллах — молчаливые маяки, направлявшие и корабли, и души.

Подъём занял больше времени, чем ожидалось. С каждым шагом городской шум оставался внизу, сменяясь тишиной, нарушаемой лишь свистом ветра в бойницах и звоном оружия караульных. Здесь, в этом каменном чреве, дышалось тяжелее. Воздух был пропитан холодом веков и запахом мокрого камня. Фия, идущая впереди, ни разу не обернулась, но Сандор видел, как напряжена её спина, как глубоко и ровно она дышит, готовясь к предстоящему выступлению. Винсент, напротив, воспрял духом — приближение к знакомому миру церемоний и протоколов действовало на него как живительный эликсир, возвращая краски на его лицо и твёрдость походке.

Когда они миновали последний караульный пост, высокие двустворчатые двери из морёного дуба, украшенные резьбой в виде горного орла, сжимающего в когтях якорь и меч, распахнулись перед ними. Йоран сделал широкий жест, приглашая войти.

— Его величество король Мартин Второй ожидает вас в Малом Тронном Зале. Прошу следовать за мной, и да пребудет с вами благосклонность Талриана.

Они ступили в прохладный полумрак королевского замка.

Малый Тронный Зал, несмотря на название, был огромен. Это был длинный, прямоугольный зал, чьи нефы терялись в тенях, созданных тусклым, рассеянным светом, лившимся из высоких, узких окон-бойниц. Архитектура была нарочито суровой, мужской, воинственной, лишённой Гиперионского блеска и позолоты. Стены были увешаны гигантскими, выцветшими от времени гобеленами с изображениями морских сражений: каравеллы, сцепленные в абордаже, кипящая от пушечных ядер вода, развевающиеся стяги с горным орлом. Между гобеленами, на каменных кронштейнах, были закреплены трофеи — носовые фигуры разбитых кораблей, изъеденные морской солью флаги поверженных пиратов, древнее, зубчатое оружие. Пол был выложен полированным чёрным гранитом, в котором, как в тёмной воде, отражались прыгающие огни сотен восковых свечей в массивных кованых люстрах.

В дальнем конце зала, на невысоком подиуме из трёх ступеней, покрытом вытертым ковром цвета запёкшейся крови, стояли два трона. Оба были сделаны не из золота и хрусталя, а из окаменевшего, чёрного дуба, спасённого с затонувших кораблей, и инкрустированы кусками янтаря. На спинке главного трона, который был массивнее и шире, был вырезан всё тот же герб: орёл, якорь, меч.

На троне сидел король Мартин Второй.

Он оказался не таким, каким его представлял себе Сандор. Не дряхлый старик и не изнеженный аристократ. Это был мужчина средних лет, с сухим, обветренным, словно дублёным солёным ветром лицом. Его короткая, аккуратно подстриженная борода была тронута сединой, а глубоко посаженные глаза, серые и холодные, как штормовое море, смотрели на вошедших с нечитаемым, выжидательным выражением. Одет он был не в пышную мантию, а в практичный чёрный дублет, поверх которого был наброшен плащ из тяжёлого синего бархата, скреплённый на плече массивной серебряной брошью в виде орла. Он восседал на своём троне не как парадная кукла, а как капитан на капитанском мостике — собранно, цепко, готовый к любой неожиданности. Рядом с ним, на троне поменьше, сидела королева — женщина с бледным, усталым лицом и печальными глазами, одетая в скромное серое платье.

Вдоль стен, стараясь оставаться в тени, застыли фигуры в доспехах — королевская стража. Их было не меньше двух дюжин, и каждый был вооружён не церемониальными алебардами, а боевыми мечами и пистолями. И за каждым их движением, за каждым их взглядом, устремлённым на процессию, угадывалась не парадная выучка, а боевая готовность. Сандор почувствовал, как волна холодного, липкого напряжения накрывает всё вокруг, подобно тому, как морской туман накрывает бухту. Воздух был густым от невысказанных вопросов.

Йоран остановился у подножия подиума и, поклонившись так низко, что мех на его плаще коснулся пола, провозгласил:

— Ваше величество, перед вами Её Светлость леди Фиомела Блэкторн, дочь герцога Касиана Блэкторна, Столпа Империи, чрезвычайный и полномочный посол Креатоса, и её свита.

Фия, опираясь лишь на силу воли, сделала несколько шагов вперёд и присела в реверансе, элегантно, насколько позволяла её повреждённая нога. Винсент за её спиной склонился в глубоком, придворном поклоне. Сандор, Марта и Отто, стоявшие позади, ограничились почти-тельным наклоном головы — этикет для слуг и солдат был куда проще.

Король Мартин не сводил с Фии своего тяжёлого, оценивающего взгляда. Он не улыбался. Его тонкие губы были плотно сжаты, а пальцы правой руки медленно поглаживали набалдашник меча, стоявшего у подлокотника трона.

— Леди Фиомела, — произнёс он наконец, и его голос, низкий и резкий, эхом разнёсся по каменному залу, — до нас дошли самые противоречивые и тревожные известия. Сначала мы получили послание от императора Эдварда о вашей миссии. Затем — слухи о нападении, о магии, об уничтоженной карете и пропавшей делегации. И, наконец, с рассветным приливом — весть о том, что вы живы и идёте пешком. Я рад видеть вас здесь, но должен признать, что сия радость смешана с немалым изумлением. Просветите нас, прошу. Что происходит на дорогах Гипериона?

Фия выпрямилась, вновь обретая ту холодную, незыблемую уверенность, которая так поразила Сандора в лесу. Её голос, чистый и хорошо поставленный, зазвенел в тишине.

— Ваше величество, благодарю за беспокойство. Информация, полученная вами, в целом верна, хотя и приукрашена скоростью распространения слухов. На нашу карету было совершено нападение. Виновником оказался маг-рenegат экстремально высокого класса угрозы, действовавший, как мы полагаем, по чьему-то заказу. Произошла битва. Мы понесли потери в имуществе и, как вы можете видеть, в здоровье, — она указала на своё платье и на потрёпанный вид остальных, — но, к счастью, не в жизни. Маг был уничтожен моим личным телохранителем, Сандором.

При этих словах взгляды всех в зале — короля, королевы, стражи, придворных, прятавшихся в тенях, — скрестились на Сандре. Он стоял, не шелохнувшись, положив обе руки на древко копья, и выдерживал эти взгляды с тем же каменным спокойствием, с каким выдерживал атаку Дариуса. Он чувствовал, как его разглядывают: обожжённое, осунувшееся лицо, простой, потрёпанный камзол поверх перевязанного торса, оружие с синим, немигающим оком кристалла. Они искали в нём героя или чудовище и не могли найти ни того, ни другого.

— Уничтожил мага, — медленно, словно пробуя слова на вкус, повторил король Мартин. — Один солдат. Мага, который, по нашим сведениям, был способен в одиночку обратить в пепел форт. Это... впечатляющее достижение, если это правда.

— Это правда, ваше величество, — твёрдо произнесла Фия. — И в качестве доказательства, помимо наших слов, у моего отца, герцога Блэкторна, уже находится кольцо этого ренегата, извлечённое с места битвы.

Король откинулся на спинку трона. Его лицо оставалось бесстрастным, но Сандор заметил, как пальцы на набалдашнике меча сжались чуть сильнее. Затем взгляд Мартина скользнул дальше, задержался на Винсенте, на Марте и, наконец, остановился на Отто. На долю секунды, почти незаметно. Но Отто, стоявший с безразличным видом, слегка сменил позу, перенес вес на другую ногу, и Сандор понял: старик тоже засёк этот взгляд. Взаимная оценка прошла бесследно для всех, кроме них двоих.

— Что ж, это многое меняет, — сказал король после долгой паузы. — Мы были готовы предложить вам не только гостеприимство, но и вооружённый эскорт для сопровождения обратно в Креатос, полагая, что ваша миссия провалена. Однако, если угроза ликвидирована, а ваша решимость, как я вижу, не поколеблена, мы, разумеется, готовы выслушать официальное послание императора. Прошу, леди Фиомела. Я весь внимание.

Фия сделала глубокий вдох. Это был её момент. Момент, ради которого они проделали весь этот путь, пережили ад и откровения. Она выпрямилась ещё больше и заговорила тем безупречным, чеканным тоном, которому её долгие годы учили наставники дипломатии и этикета.

— Ваше величество, я уполномочена его императорским величеством Эдвардом Первым выразить вам и вашему дому глубочайшее почтение и подтвердить нерушимость уз, связующих Талриан и Гиперион на протяжении столетий. Времена наступают смутные. Тучи сгущаются не только над нашими землями, но и над всем континентом. В Айронфордже произошло восстание...

Она говорила, тщательно подбирая слова, облекая жёсткую, прагматичную реальность — вымогательство, требования, угрозы — в мягкую, дипломатическую обёртку. Она говорила о «возросшей потребности в консолидации ресурсов», что означало увеличение дани. О «необходимости расширения военно-морского присутствия», что означало передачу ещё одного порта под прямой контроль Гипериона. О «совместном противодействии дестабилизирующим элементам», что означало право имперских войск проводить операции на территории Талриана. Каждое её слово было взвешено, каждый тезис был подкреплён ссылкой на исторические договоры и взаимные обязательства. Это был шедевр дипломатического лицемерия, в котором «союз» звучал как «подчинение», но был завернут в такие изящные формулировки, что к ним невозможно было придраться с точки зрения протокола.

Король Мартин слушал. Он не перебивал, не задавал вопросов. Его взгляд оставался прикованным к Фии, и по его лицу невозможно было понять, как он воспринимает этот поток красиво упакованных требований — с гневом, со скукой или с холодным, просчитанным цинизмом. В зале стояла такая тишина, что слышно было, как шипит воск в свечах и как ветер, гуляющий за окнами, завывает в бойницах.

И в тот самый момент, когда Фия, перейдя к ключевому пункту о кристаллических поставках, сделала паузу для большего эффекта, внимание короля дрогнуло. От одной из скрытых колоннами боковых дверей бесшумно отделилась тень. Это был человек в длинном, тёмном одеянии советника, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и бегающими, крысиными глазками. Он приблизился к трону сбоку, согнувшись в три погибели, и, испросив жестом прощения у короля и у Фии, припал к уху Мартина.

Сандор напрягся. Шёпот, быстрый, неразборчивый, заставил лицо короля измениться. Всего на микрон, на долю секунды, но Сандор это увидел. Сначала в глазах Мартина мелькнуло недоверие. Затем — лёгкое, едва заметное замешательство. И, наконец, что-то очень похожее на холодную, трезвую ярость. Железная маска капитана, готовая ко всему, на мгновение треснула, явив живого человека, который только что получил крайне неприятные новости, перечёркивающие все его предыдущие планы.

Шёпот стих. Советник отступил, растворившись в тенях так же бесшумно, как и появился.

Мартин поднял руку в униженным перстнями жесте, призывая Фию к молчанию. Этот жест сам по себе был нарушением протокола, и даже Винсент, который впитывал каждую деталь церемонии, удивлённо дёрнулся.

— Довольно, леди Фиомела, — произнёс король. Его голос потерял прежнюю ровную учтивость и зазвучал сухо, повелительно, как голос командира, прерывающего доклад подчинённого. — Я вынужден извиниться. Обстоятельства изменились самым неожиданным и не терпящим отлагательств образом. Возникли неотложные дела государственной важности, требующие моего немедленного личного вмешательства. Они не позволяют мне прямо сейчас уделить вашему посланию то внимание, которого оно, несомненно, заслуживает.

Фия замерла. Её губы, только что произносившие дипломатические формулы, остались приоткрытыми. Это было невероятно. Это было оскорблением, замаскированным под необходимость. Перенести аудиенцию посла Императора, только что пережившего покушение и при-

бывшего в обессиленном состоянии, из-за каких-то «неотложных дел»? Винсент за её спиной побледнел. Он за двадцать лет службы не мог припомнить случая, чтобы с имперским посланником обошлись столь бесцеремонно в первый же час. Его мозг юриста судорожно перебирал статьи протокола, ища подходящий прецедент для протеста, но не находил ничего — они были слишком слабы, слишком зависели от гостеприимства хозяина.

Но Фия не была бы дочерью Кассиана Блэкторна, если бы позволила эмоциям взять верх. Она медленно, с величайшим самообладанием, кивнула, и её лицо снова стало бесстрашной маской.

— Я понимаю, ваше величество. Государственные дела не терпят отлагательств. Когда вы будете готовы продолжить?

— Завтра утром, в той же аудиенц-зале, — отрывисто бросил Мартин, уже поднимаясь с трона. Его плащ взметнулся, открывая тяжёлую рукоять меча. — А пока, в знак нашего глубочайшего уважения и в качестве слабой компенсации за причинённые неудобства, я предлагаю вам и вашей свите остановиться в нашей гостевой резиденции. Это отдельное поместье на территории замка, оно полностью в вашем распоряжении. Йоран более не будет вас беспокоить делами, вас проводят.

Он хлопнул в ладоши. Звук хлопка, резкий и неожиданный, разнёсся по залу, и из той же боковой двери, куда скрылся советник, вышла женщина. Дворцовая служанка — немолодая, с простым, добродушным лицом и в опрятном, но неброском сером платье с белым передником. Она присела в книксене, готовая услужить.

— Эльза проводит вас в поместье и обеспечит всё необходимое, — сказал король уже на ходу, спускаясь с подиума. — Ещё раз приношу извинения. Я должен идти. Увидимся завтра утром.

И не дожидаясь ответа, не оборачиваясь, он быстрым шагом покинул зал через главный вход, сопровождаемый половиной стражи. Королева, бросив на Фию странный, извиняющийся взгляд, удалилась следом, вместе с парой фрейлин, вынырнувших из-за колонн.

Они остались одни перед опустевшими тронами. Гобелены на стенах, казалось, насмехались над ними изображениями былых побед. Свечи трещали.

Винсент, чьё лицо теперь выражало смесь оскорблённого достоинства и полной растерянности, тихо произнёс:

— Это... это невысказано. Неотложные дела? Какие дела могут быть неотложнее посла Императора? Что вообще здесь происходит?

— Происходит то, что нас только что поставили на место, барон, — сухо ответила Фия, не оборачиваясь. — Самым вежливым и оскорбительным образом. Но... — она на мгновение задумалась, прикусив губу, — но в этом было что-то ещё. Этот советник... он принёс новости, которые испугали короля. Или разозлили. Не знаю. Но первоначальный план явно полетел ко всем чертям.

Служанка Эльза, всё это время стоявшая с опущенной головой, кашлянула, деликатно напоминая о своём присутствии.

— Леди, господа, прошу следовать за мной. Поместье готово, там вы сможете отдохнуть и обсудить всё в удобной обстановке.

Фия повернулась к ней и, собрав остатки сил для вежливости, улыбнулась:

— Конечно, Эльза. Ведите нас.

Путь до гостевой резиденции пролегал через внутренние дворики замка и длинные, сводчатые галереи, где их шаги отдавались гулким эхом. Теперь, когда напряжение официальной аудиенции спало, усталость и боль навалились с новой силой. Сандор чувствовал, как ноет спина под повязкой, каждый шаг отдаётся в позвоночнике тупым пульсирующим эхом. Но он заставлял себя идти ровно, держать копьё твёрдо, не показывать слабости. Дело было не только в гордости. Дело было в них. В тех, кого он заметил.

Это случилось почти сразу, как только за ними закрылись ворота города. В толпе, среди матросов и купцов, появились люди, которые были слишком праздны, слишком не к месту. Они не торговали, не несли грузы, не глазели на товары. Они просто смотрели. И когда группа Йорана с эскортом из делегации двигалась по улицам, эти люди следовали за ними. Не открыто. Не агрессивно. Они менялись через каждые несколько кварталов, маскировались, сливались со средой. Но Сандор, чьи инстинкты были отточены Отто, а затем закалены боем с Дариусом, чувствовал их, как чувствуют приближение грозы по едва уловимому изменению давления. Сначала он списал это на паранойю, на переутомление. Но затем, поймав быстрый, как молния, взгляд Отто во время движения, понял: старик тоже их ведёт.

И они не отстали. На протяжении всего пути через город, на протяжении всей аудиенции, они были где-то рядом, за стенами, в тених. И сейчас, когда они шли по галерее замка, Сандор спиной чувствовал, что наблюдение не прекратилось. Оно просто стало более профессиональным, более скрытным.

Эльза вела их через сад, мимо старых, искривлённых морскими ветрами сосен и аккуратных клумб с поздними розами, и наконец вывела к гостевому поместью. Это было отдельное, двухэтажное здание, построенное в том же строгом, базальтовом стиле, но смягчённом более новыми пристройками — широкой застеклённой террасой, выходящей прямо на гавань, и круглыми, светлыми башенками по углам. Оно не было частью крепости, но находилось в пределах замковых стен, что обеспечивало и безопасность, и иллюзию свободы.

Внутри царил атмосфера сдержанной, комфортной роскоши. Никакой вычурной позолоты. Тёплое дерево, камин из неотёсанного камня, полы, устланные мягкими, ворсистыми коврами с морскими узорами, добротная, тёмная мебель. В главном зале, куда они вошли, было светло и просторно: огромные арочные окна, выходящие на террасу и на залив, открывали потрясающий вид на бирюзовую воду, белые барашки волн и скопление парусников вдалеке. Воздух здесь пах деревом, лимонным воском и всё той же солью. Сандор, переступив порог, почувствовал непреодолимое, почти животное желание просто рухнуть на один из этих диванов и провалиться в сон. Но он не мог. Пока не мог.

Марта, едва войдя, уже преобразилась. Её практичный ум мигом оценил обстановку: где кухня, где ванны, сколько спален, в каком состоянии бельё. И, верная своей привычке, она сразу же вступила в разговор со служанкой Эльзой, которая показывала им помещение. То, что произошло дальше, поразило Фию едва ли не больше, чем странное поведение короля.

Они зашебетали. Марта, обычно сдержанная, немногословная и сосредоточенная исключительно на своих прямых обязанностях, внезапно стала удивительно разговорчивой. Женщины обменивались какими-то бытовыми фразами о качестве льняного постельного белья, о том, где брать свежую воду для чая, о местных рецептах рыбной похлёбки. Это был не светский треп. Это был язык, понятный только тем, кто провёл жизнь в обслуживании других, — язык практики, взаимного уважения и тихого, незаметного сестринства. Эльза отвечала ей с искренней, неподдельной теплотой, видимо, устав от чопорности дворцовых интриг. Фия смотрела на это с лёгким, почти ревнивым изумлением. Марта, её тень, её незаменимая помощница, имела целый пласт своей, отдельной жизни и навыков, которые Фию, воспитанной в лабораториях и библиотеках, были чужды и оттого удивительны.

Пока они так шли, Фия и Винсент, идущие позади, уже погрузились в обсуждение бумаг. Винсент, чья шкатулка дипломата уцелела чудом, теперь лихорадочно перебирал в уме оставшиеся проекты договоров.

— Нет, вы заметили, леди Фиомелла? Его тон в начале и в конце... Это две разные аудиенции. Он был готов к чему-то. К чему-то жёсткому. И я не уверен, что наша смерть входила бы в его планы, но... теперь я не уверен и в обратном.

— Заметил, Винсент, — тихо ответила Фия. — И именно поэтому каждая наша формулировка завтра должна быть безупречна. Ни одной зацепки. Ни одной слабости. Мы должны быть сталью, несмотря ни на что.

Позади них, замыкая шествие, шли Сандор и Отто. Старик на ходу сунул в рот какую-то травинку и теперь задумчиво жевал её, глядя в пол под ногами. Он сблизился с Сандором почти вплотную, и когда между ними и остальной группой образовалось достаточное расстояние, заговорил едва слышным, бубнящим шёпотом, не разжимая челюстей:

— Ну чё, доходит уже до твоей пробитой башки, или мне тебе всё по слогам, как мальчишке-новобранцу, разжёвывать?

Сандор не повёл и глазом. Он смотрел вперёд, на затылок Фии, и его губы едва шевельнулись в ответ:

— Доходит. «Хвост». С того момента, как мы прошли городские ворота.

— О-о-о, — Отто изобразил удивление, не меняя мрачного тона, — надо же, гляди-ка. Мозги всё-таки не выгорели вместе со шкурой. И сколько их, как думаешь?

— Минимум трое менялись по пути через город. Сейчас не меньше шестерых рассредоточены по стенам и саду. Скорее всего, королевская стража в штатском или местные наёмники. Профессионалы.

— Почти угадал. Семеро, — лениво поправил его Отто. — Один прячется вон в той сторожке у флигеля, которую мы только миновали, прикидываясь спящим садовником. Дышит он, как садовник, херово — слишком нервно для спящего. Ещё двое на крыше. И ещё четверо, как ты и сказал, в саду. Но это мелочь.

Он выплюнул травинку и поднял глаза к потолку галереи.

— Главное, чего я не чувю. Ты меня понял?

Сандор понял. Магов. Отто не чувствовал магов. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо — потому что не было прямой магической угрозы. Плохо — потому что Отто, с его столетним опытом, привык полагаться на чутьё, а тут чутьё молчало, оставляя пространство для человеческой подлости, которая часто бывает опаснее самого страшного заклинания.

— Они всё ещё пасут, — продолжил Отто, причмокнув. — Только теперь аккуратнее, в десять раз. Тот сраный фарс в тронном зале... наш новый друг-в-короне явно готовил нам другую встречу. А потом пришёл тот крысёныш и нашептал ему на ушко что-то, что спутало все карты. Что-то, из-за чего он нас слил в этот курятник, а сам свалил перегруппировываться.

— Думаешь, нашли место боя, — не спросил, а скорее констатировал Сандор.

— Стопудово. Снарядили экспедицию, как только птичка напела о взрывах. Осмотрели всё. Увидели картину маслом. И поняли, что слухи о твоём сраном героизме — не слухи. И это их остудило. Коротко говоря — они крепко задумались, а стоят ли яйца выделки, и решили взять паузу, чтоб не наломать дров.

Отто мрачно усмехнулся и почесал щёку, покрытую седой щетиной.

— Короче, расклад такой: не подаём виду, играем дурачков-гостей, пока не доберёмся до комнат. Там, за закрытыми дверями и задёрнутыми шторами, проведём политинформацию для наших золочёных олухов. Идёт?

— Идёт.

Они дошли до поместья. Эльза провела короткую, но обстоятельную экскурсию, показывая, где что находится. Кухня полностью укомплектована провизией. Ванные комнаты с горячей водой, поступающей по трубам от замковой котельной. Шесть спален на втором этаже, кабинет, библиотека, центральный зал с камином и минибаром. Терраса с видом на гавань. Всё было чисто, богато и комфортно до тошноты. Идеальная золотая клетка.

Когда осмотр был закончен, и они вернулись в холл, Эльза, мило улыбнувшись, сложила руки на переднике.

— Я могу остаться здесь, при гостях, на случай, если вам что-то понадобится. Его величество распорядился, чтобы вам был обеспечен полный комфорт.

Марта уже открыла было рот, чтобы, вероятно, вежливо согласиться, но её опередили. Сандор, стоявший до этого молча и неподвижно, сделал полшага вперёд. Его голос прозвучал ровно, но в нём была та самая, хорошо знакомая сослуживцам, не терпящая возражений сталь:

— Благодарю, Эльза. Но в этом нет необходимости. С нами Марта. Она прекрасно справится со всем, что нам может понадобиться. Уверен, у вас в замке хватает и своих дел.

В зале повисла короткая, неловкая пауза. Фия и Винсент удивлённо уставились на Сандора. Это было не просто нарушением этикета. Это был прямой, хоть и вежливый, приказ королевской служанке покинуть помещение. Винсент даже шею вытянул от неожиданности. Марта перевела взгляд с Сандора на Фию и обратно, но промолчала. Эльза же ничуть не смущалась. Она снова присела в книксене, и на её губах заиграла всё та же добрая, ничего не понимающая улыбка.

— Как пожелаете, господин. Если что — я буду в замке. Доброго вам отдыха.

Она вышла, бесшумно притворив за собой тяжёлую дубовую дверь. Как только звук её шагов стих в отдалении, Фия медленно повернулась к Сандору. В её глазах не было упрёка — было острое, встревоженное внимание.

— Сандор? Что...

Он поднял руку, призывая к молчанию, и обвёл взглядом помещение. Зал был велик, с высоким потолком и колоннами. И множеством окон, выходящих в сад. Слишком много стекла. Слишком много глаз.

— Давайте все соберёмся в центральном зале. Прямо сейчас. Есть разговор, который не терпит отлагательств. Марта, прошу, закрой кухонную дверь. Винсент, леди Фия, проходите в центр. Отто... — он замаялся, но старик уже двинулся к залу, на ходу вытаскивая из подсумка какую-то тёмную тряпицу.

— Знаю, сержантик, знаю. Не умничай.

Пока все рассаживались в зале — Фия и Винсент на диване, Марта на краешке кресла, готовая вскочить в любой момент, — Сандор и Отто методично обходили помещение. Они задёрнули тяжёлые портьеры из синего бархата на всех окнах, погрузив комнату в полумрак, разбавленный лишь светом камина. Отто, достав из кармана мятый, грязный платок, небрежно набросил его на большой настенный светильник, приглушая и его. Когда последний источник света, который мог бы создать тени, по которым снаружи читают по губам, был нейтрализован, Отто застыл на мгновение, прикрыл глаза и глубоко, беззвучно вздохнул. Сандор видел, как его ноздри слегка раздуваются, как напрягаются мышцы спины. Это была не магия. Это был охотничий инстинкт Косы Смерти, отточенный сотней лет. Спустя десять секунд молчания, Отто открыл глаза и кивнул:

— Чисто. Ближайшие уши — в саду, метрах в двадцати, за стеной, и ещё на крыше. Но через эти стены они даже чих наш не услышат. Можно базарить. Без имён, на всякий случай, но можно.

Сандор повернулся к остальным. Лица Винсента и Фии выражали напряжённое ожидание. Марта, напротив, была на удивление спокойна — она уже начала ждать чего угодно.

— Спасибо, Отто, — начал Сандор, опираясь на копьё, как на посох. — Итак. Я скажу прямо. За нами следят с того самого момента, как мы вошли в ворота. Это были солдаты или подчиненные Мартина, переодетые в гражданское. Нас «пасли» всю дорогу через город, и сейчас нас продолжают держать под наблюдением. Это поместье — удобная, красивая ловушка.

Винсент издал сдавленный звук, его рука потянулась к воротнику.

— Но... зачем? Это неслыханно! Мы — имперская делегация! Нападение на нас — это сумасшествие!

— Успокойся, барон, — вмешался Отто, усаживаясь на подлокотник дивана и закидывая ногу на ногу. — Воевать с нами никто не собирался. По крайней мере, не в открытую. Я вам так скажу: приём, который нам готовили, планировался куда менее... тёплым. Вряд ли бы нас сразу на месте порешили, конечно. Мы им живые нужны, как рычаг давления. Но условия разговора были бы совсем иными. Знали бы вы, сколько народу шнырилось в соседних комнатах, пока вы там распинались про союз и вечную дружбу. Все при оружии, все на взводе. Ждали приказа.

Он взял с журнального столика забытый кем-то из слуг бронзовый штопор, повертел его в руках.

— А потом прибежал этот плешивый хорёк, нашептал что-то на ухо, и всё изменилось. Мгновенно. Как по волшебству. Народ за стенками начал рассасываться, король сменил пластинку, и нас сплавил сюда. А знаете, почему?

Он с хрустом воткнул штопор в воображаемую пробку.

— Как нехер они добрались до места нашей битвы с тем огненным придурком. Увидели что от него осталось. И сопоставили с тем фактом, что ты, — он ткнул штопором в Сандора, — стоишь тут живой и почти целый. И, видимо, пришли к выводу, что связываться с человеком, который в одиночку расхерачил ренегата, себе дороже. Потери среди своих солдат они оценили как неприемлемые. Вот так-то, господа дипломаты. Птички разнесли быстрее чем вы думали.

Фия слушала с бледным, но спокойным лицом. Когда Отто закончил, она медленно кивнула.

— Это... объясняет многое. И пренебрежение, и резкую смену планов, и эту демонстративную «заботу». Он нас боится. Точнее, боится Сандора. Вернее...вы поняли...

— Но это же чудовищно! — воскликнул Винсент. — Это выходит за все рамки дипломатической практики!

— Мы уже давно вышли, Винсент, за все рамки, — устало произнесла Фия. — Вопрос в том, что нам делать с этой информацией завтра. Как превратить их страх в наше преимущество, не перегнув палку.

И тут в разговор вмешалась Марта. Она подняла руку, как примерная ученица, и её голос, когда она заговорила, был таким же тихим и меланхоличным, как обычно:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, господа... леди Фия. Я не уверена, важно ли это. Та служанка, Эльза. Я не могу сказать, врёт она или нет, врать ей, кажется, незачем. Но разговаривать её было совсем нетрудно. Она, знаете, так обрадовалась простому общению, что... в общем, она сказала, что сегодня утром, ещё до нашего прихода, всю стражу подняли по тревоге. Якобы для обеспечения безопасности высоких гостей из Гипериона. Они усилили посты вокруг замка и выставили дополнительные патрули.

В зале снова повисла тишина. Сандор и Отто переглянулись. Винсент потёр виски. Фия закрыла глаза, переваривая услышанное. «Высокие гости». Которые пришли пешком, обо-жжённые и без кареты, но которых бояться до зубовного скрежета. Вот как это было подано. Обеспечение безопасности. Красивое прикрытие.

— Спасибо, Марта, — произнесла Фия, открывая глаза. — Это подтверждает всё.

Она встала. Лодыжка болела, но она не подала виду. В её движениях снова проступила та ледяная, аристократичная воля, которая заставляла Винсента забывать о её возрасте, а Сандора — о том, что у них могут быть какие-то другие, более глубокие отношения.

— Значит так. Наш статус гостей — фикция. Мы находимся под домашним арестом, хоть и в золотой клетке. Завтрашняя аудиенция — либо последний шанс заключить сделку, либо пролог к чему-то куда более худшему. У нас есть одна ночь. Винсент, вы со мной. Мы идём в кабинет. Всё, что мы готовили — летит в бездну. Король нас боится, и это меняет правила игры. Мы должны построить новую переговорную линию, такую, где наш «герой-убийца магов» будет не просто телохранителем, а главным козырем, инструментом сдерживания. Мне нужно знать точные формулировки всех прежних договоров, особенно касательно военного присутствия.

И готовьте черновик нового соглашения — с очень жёсткими, но показными уступками. Мы должны дать ему возможность сохранить лицо, но показать, что цена любого неверного шага для него — катастрофа.

Винсент, впервые за день обретая осмысленное выражение лица, истово закивал. Он раскрыл портфель, и оттуда, как белые мотыльки, посыпались листы с печатями. У него снова была цель.

— Остальным — отдыхать. Набираться сил. Сандор... ты выглядишь хуже всех. У тебя в приоритете — обработка раны и сон. Ты нам завтра нужен не как воин, а как символ. Но символ должен выглядеть живым, а не как покойник на выданье.

Сандор усмехнулся краем рта. Эта её командирская забота была... приятной.

— Будет сделано, леди Фиомелла.

Она на мгновение задержала на нём взгляд — быстрый, тёплый, личный, прежде чем снова стать посланцем Гипериона.

— Тогда за дело.

Она и Винсент удалились в кабинет, сразу же наполнившийся шуршанием бумаг и приглушёнными, энергичными голосами. Марта, вооружившись найденной на кухне метлой и тазом, принялась наводить свой собственный, хозяйский порядок, и вскоре всё поместье наполнилось запахом мыла и растопленного воска для полов. Это был запах жизни, вытеснявший холодный дух интриг.

Отто же направился напрямик к мини-бару. Он открыл дверцы, с видом знатока оглядел стройные ряды бутылок, и его лицо озарилось почти детской радостью.

— Ого! А наш король — хлебосольный малый, даром что крыса. Тёмное пиво Южных островов, сливовица Вестенхольма, даже «Северная слеза», мать её! Да это же тройной очистки, я такой только один раз пил, когда хоронил... — он осёкся, махнул рукой. — Неважно.

Он выудил бутылку с тёмно-янтарной жидкостью, вытащил пробку зубами и, не утруждая себя бокалом, сделал внушительный глоток. Блаженно выдохнув, он рухнул на диван, развалившись в позе, не оставлявшей сомнений в том, что ближайшие несколько часов отсюда он встанет только в случае крайней нужды. Спустя полчаса из его угла уже доносился характерный, раскатистый храп павшего на поле боя ветерана.

Сандор нашёл ванную комнату на первом этаже. Она была облицована плиткой цвета морской волны и оборудована большой медной ванной. Но сейчас у него не было сил даже думать о том, чтобы наполнить её. Вместо этого он снял камзол и рубаху, стараясь двигаться медленно и не тревожить спину, и склонился над раковиной. Стянул старые, пропитанные сукровицей бинты. Отражение в зеркале показало то, что он уже чувствовал: огромный, уродливый ожог покрывал лопатки и рёбра, но края раны, там, где кожа была обожжена меньше, уже начали затягиваться тонкой, розовой плёнкой. Солдатская мазь Торена делала своё дело. Он снова, скрипя зубами от боли, нанёс густой, чёрный слой, чувствуя, как знакомая холодящая волна расходится от лопаток к позвоночнику. Затем он аккуратно перевязался свежими полосами ткани, которые предусмотрительно оставила у раковины Марта, и, одевшись, почувствовал себя почти человеком.

Боль отступила, превратившись в привычное, терпимое нытьё. И вместе с болью отступила и апатия. Впервые за всё время после боя, после откровений Отто, после поцелуя на дороге, он почувствовал нечто иное. Не пустоту. Не ярость. Не страх. А странное, непривычное спокойствие. Ощущение, что он находится именно там, где должен быть. Что его жизнь, которая ещё несколько недель назад казалась бессмысленным грузом, обрела цель. Не просто долг. Не просто контракт. А что-то большее. Что-то, за что он готов был принять и эту боль, и эту неизвестность, и шёпот королей за спиной.

Он вышел из ванной. В доме было тихо. Из кабинета всё ещё доносились приглушённые голоса Фии и Винсента. Из зала — могучий, раскатистый храп Отто. С кухни — тихое

позвякивание посуды: Марта, святая женщина, наводила уют, как будто они были в загородной усадьбе, а не в осаждённой крепости, полной шпионов.

Вечер наступил незаметно, уступив место ночи. За тёмными окнами гавань превратилась в россыпь далёких, дрожащих огней — корабельные фонари, окна домов, сигнальные мачты. Сандор не мог уснуть. Слишком много мыслей, слишком много образов. Он решил обойти поместье. Солдатская привычка, ввевшаяся в кровь: проверять периметр, смотреть тыл, ощущать пространство. Он бесшумно двигался между комнат. Заглянул в кабинет — Фия, с распущенными волосами, спала прямо на столе, положив голову на разложенные карты и свитки. Рядом, в кресле, свернувшись калачиком, дремал Винсент, даже во сне не выпуская из рук перо, с которого на дорогой ковёр натекла маленькая чёрная лужица чернил. Марта спала в своей каморке, укрывшись шерстяным одеялом, её лицо было спокойно и строго. Отто, успевший опустошить ещё одну бутылку, храпел теперь в совершенно глупой позе — свесившись с дивана, одна рука на полу, вторая прижимает к груди пустую тару, как любимого плюшевого зверя.

Сандор тихо рассмеялся. Впервые за долгое время.

Он вышел на террасу. Ночной воздух был прохладен и свеж, пропитан солёным дыханием залива. Внизу, в гавани, тихо покачивались корабли. Над головой, в бездонной черноте неба, рассыпались яркие, немигающие звёзды, незнакомые созвездия Юга. Всё было мирно. Обманчиво мирно.

Через несколько минут он услышал за спиной лёгкие, почти беззвучные шаги. Он не обернулся. Он знал эти шаги. Фия встала рядом, опёршись руками о каменные перила. Она была без своего строгого дорожного платья, в простом, тёплом халате, который, видимо, нашла в одной из комнат. Она долго молчала, глядя на далёкие огни, и Сандор не нарушал этого молчания.

— Я всё думаю, — наконец произнесла она, её голос был тихим и усталым, но без ноток отчаяния, — о том, что сказал Отто. Спрячемся ли мы за твоей новой репутацией, или наш фарс раскроют.

— Увы, не я убил ренегата, — ответил Сандор, не оборачиваясь.

— Знаю, — кивнула она. — Именно поэтому.

Она помолчала ещё, и когда заговорила снова, её тон изменился, стал интимнее, теплее, утратив последние следы официальности.

— Сейчас, вот сейчас, мне бы хотелось говорить совсем о другом. Не о королях, не о договорах, не об угрозах. О том, что было там, на дороге. О том, что теперь кажется таким далёким, как будто из другой жизни.

У Сандора перехватило дыхание. Он помнил. Помнил прикосновение её губ, лёгкое как дуновение ветра, и ту бурю, которую оно вызвало в его груди.

— Но я не могу, — продолжила Фия с лёгкой, горькой улыбкой. — Не могу себе этого позволить. Не сейчас. На нас с тобой слишком много ответственности. За наших людей, — она кивнула в сторону дома, где спали Марта и Винсент и храпел Отто, — за империю, какой бы она ни была. За правду, которую мы узнали. Стоит нам отвлечься, расслабиться хоть на минуту — и всё может рухнуть.

Она повернулась к нему. В лунном свете её лицо было бледным, а глаза — огромными и глубокими, как само ночное море.

— Ты понимаешь это?

Сандор наконец посмотрел на неё. Чувство, которое он испытывал сейчас, было странным. Это была уже не ноющая боль и не выжженная пустота. Это было тихое, ровное тепло, разгоравшееся где-то глубоко внутри, под слоем ожогов и усталости. Надежда. Чувство, которое он считал похороненным навсегда.

— Понимаю, — сказал он хрипло. Его голос прозвучал глубже, чем обычно. — Я подержу тебя. В любом случае. Что бы ни случилось завтра.

Её губы дрогнули. Она не сказала больше ни слова. Просто кивнула и отступила назад, в тень дверного проёма.

— Я иду спать. Завтра тяжёлый день. Не задерживайся слишком долго.

— Я ещё немного побуду здесь. Подышу воздухом.

Она ушла. Её шаги стихли где-то в глубине спящего дома. Сандор остался на террасе один. Он смотрел на море, на звёзды, на тёмные, молчаливые стены замка, где замыслили свои хитроумные планы люди, не знавшие и сотой доли той правды, что знал он. И впервые за долгое время он чувствовал не страх перед будущим, а желание сделать шаг вперед...

Где-то далеко, за многие мили от Талриана, в небольшой деревушке, затерянной среди холмов на самой границе с Гиперионом, ночь была совсем иной. Здесь не было ни морского бриза, ни запаха соли. Здесь воздух был тяжёлым, спёртым, пропитанным гарью домашних очагов и промозглой осенней сыростью. Маленький, ничем не примечательный каменный дом стоял на отшибе, скрытый от дороги густым перелеском. В его единственном окне, выходявшем на тёмное поле, горел тусклый, кристальный светильник.

Виктор Рокбэлл стоял у этого окна, заложив руки за спину. Свет лампы выхватывал из мрака его резкий, грубоватый профиль, и в его глубоко посаженных глазах, устремлённых в ночную тьму, плясали холодные, расчётливые огоньки. Он был похож на шахматиста, который только что увидел на доске комбинацию, ведущую к неизбежному мату, и теперь лишь выжидает, когда враг сделает свой последний, предсказуемый ход. Ожидание было частью его натуры, и теперь, когда цель была так близка, эта способность ждать стала его главным оружием.

Дверь позади него тихо скрипнула, впуская струю холодного воздуха, которая заставила пламя светильника заколебаться. Вошедший был низок и коренаст, одет в простую, тёмную одежду, не выдававшую ни статуса, ни звания. Обычный человек из тех, кто привык выполнять приказы, не задавая вопросов. Он застыл у порога, почтительно склонив голову.

— Господин, — произнёс он тихим, слегка сиплым голосом, — новости из Глубин Этериуса. Кажется, наши люди наконец нашли его.

Виктор не обернулся. Его голос, когда он заговорил, был ровным, лишённым эмоций, как шум далёкого механизма:

— Говори точнее.

— Проход. Тот самый, о котором говорили старые чертежи. В нижних, затопленных горизонтах шахты. Наши рудокопы пробрили завал. Там... пустота. Искусственная кладка, очень древняя. Но проход запечатан. Не просто камнем. Чем-то, чего мы не можем пробить. Кристаллическая мембрана, реагирует на прикосновение. Люди говорят, от неё веет холодом.

Человек замолчал, ожидая реакции. Виктор медленно повернулся. Слабая, холодная улыбка тронула его губы, не затронув глаз.

— Запечатан... — произнёс он, растягивая слово, словно пробуя его на вкус. — Это оно. То, что мы искали. Значит, старые хроники не ввали. Она действительно спрятала это там. Спрятала так, чтобы никто и никогда не нашёл.

Он сделал шаг от окна, и его тень, черная и длинная, метнулась по стене.

— Всё идёт своим чередом, — сказал он, и в его голосе прорезалась жёсткая, металлическая вибрация. — Год за годом, кирпичик за кирпичиком, мы восстанавливаем то, что было разрушено. То, что они пытались стереть. И скоро все виновные заплатят. Сполна.

Человек у двери не двигался. Он ждал. Виктор пересёк комнату и остановился у стола, на котором лежало то самое, древнее кристаллическое устройство связи, чей аналог был спрятан в покоях капризного наследного принца. Он коснулся его пальцами, поглаживая холодную поверхность кристалла.

— Подготовь всё для сеанса связи, — холодно приказал он. — Мне нужно поговорить с нашим «принцем-идиотом». Пора напомнить ему о его роли в этой пьесе.

Губы Виктора скривились в брезгливой гримасе.

— Сама необходимость этого взаимодействия мне омерзительна. Этот напыщенный, тщеславный дурак — он думает, что он будущий император, а на самом деле он просто инструмент, пешка, которая первой падёт, когда её роль будет сыграна. Но ради цели... ради нашей цели я готов терпеть даже это.

Человек у двери кивнул:

— Всё будет исполнено, господин.

Он развернулся и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь. Виктор снова остался один. Он подошёл к окну и устремил свой взгляд в темноту, которая, казалось, сгущалась вокруг дома всё сильнее. Его разум был далеко — не в этом убогом доме, не в этой забытой богами деревне, а в глубоких, холодных чертогах прошлого, где решались судьбы мира.

Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле окна, и его черты на мгновение исказились гримасой, в которой смешались глубокая, сыновняя скорбь и холодная, всепоглощающая решимость.

— Ну что ж, скоро мы увидимся, Сара, — прошептал он в пустоту, и слова его были подобны клятве, высеченной на надгробном камне. — Прости уж, но мне придётся разбить вдребезги всё то, ради чего ты отдала жизнь. Весь этот гнилой мир, построенный на лжи и костях. Твой мир. Но только так я смогу построить новый. Справедливый. Наш.

Светильник на столе мигнул и погас, погружая комнату в абсолютную тьму.

Глава 22 Переговоры. Часть 2 Друзья друзей.

Утро наступило слишком быстро — так наступает расплата, которую ждал всю ночь, ворочаясь с боку на бок в душной, чужой постели. Сандор проснулся от первого же луча солнца, пробившегося сквозь неплотно задёрнутые шторы и рассёкшего комнату надвое: на мир теней и мир света. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам просыпающегося поместья. Где-то на кухне уже гремела посудой Марта — её шаги были быстрыми, деловитыми, как всегда. Из зала доносился мощный, раскатистый храп Отто, который, судя по всему, так и не сменил позу с вечера. Остальные, видимо, ещё спали, или пытались.

Он сел на кровати, поморщившись от тянущей боли в спине. Ожог по-прежнему давал о себе знать, но уже не огненной пыткой, а тупым, ноющим напоминанием. Ночью он ещё раз сменил повязку, и солдатская мазь Торена сделала своё дело — края раны начали затягиваться тонкой розовой кожей. Он оделся медленно, методично, проверяя каждую деталь: камзол, ремень, сапоги. Копьё, стоявшее у изголовья, он взял в руку, и знакомый холод древка подействовал лучше любого бодрящего напитка.

В коридоре уже слышались голоса. Фия и Винсент о чём-то негромко переговаривались в кабинете — видимо, прорабатывали последние штрихи переговорной линии. Слов было не разобрать, но по тону — сосредоточенному, без паники — Сандор понял, что они готовы. Марта пронеслась мимо с кипой свежего белья, бросив на ходу короткое «доброе утро, сержант», и скрылась в одной из комнат. Жизнь в поместье шла своим чередом — столь буднично, словно и не было вчерашней слезки, напряжённого совещания и жутких откровений о том, что они стали пешками в игре, правил которой никто из них до конца не понимал.

Сандор спустился в зал. Отто уже не храпел. Старик сидел на диване, протирая глаза и с откровенным отвращением глядя на батарею пустых бутылок, выстроившихся перед ним, как солдаты после проигранной битвы. Его лицо было помятым, но взгляд — на удивление ясным. И что самое поразительное — от него почти не пахло перегаром. То ли качество местного пойла было куда выше, чем в форте, то ли организм Косы Смерти перерабатывал алкоголь с той же нечеловеческой эффективностью, что и магию. Отто поднял на Сандора красноватые, но цепкие глаза.

— Не смотри на меня так, сержантик, — проворчал он, вставая и потягиваясь так, что затрещали все суставы разом. — У меня, может, печень драконья, а вот настроение — чисто человеческое. Херовое. Чую, день будет долгим и поганим.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Сандор.

— И всегда оказываюсь прав, мать твою. Такова уж специфика моего дара — видеть дерьмо за версту.

Из коридора вышли Фия и Винсент. Фия была одета в то же дорожное платье, но приведённое в порядок — Марта, видимо, всю ночь колдовала над ним с иглой и утюгом. Её волосы были убраны в строгую причёску, лицо — бледное, но решительное, с тем самым ледяным спокойствием, которое Сандор уже научился распознавать как маску, за которой бушевали эмоции. Винсент нёс портфель, набитый бумагами, и выглядел почти нормально — работа над документами вернула ему почву под ногами. Марта, замыкавшая группу, несла небольшую дорожную сумку, в которую, судя по всему, были упакованы самые необходимые вещи — на всякий случай.

— Все готовы, — констатировала Фия. — Отто, вы...

— Я свеж, как огурчик, и бодр, как кобель на первой случке, — перебил он её. — Ведите, леди.

Они не успели сделать и пары шагов к выходу, как в дверь раздался стук. Чёткий, размеренный, официальный. Три удара. Все замерли. Сандор перехватил копьё, и они с Отто обме-

нялись быстрыми взглядами. Старик чуть заметно покачал головой — мол, опасности не чую, но будь готов.

— Откройте, — негромко скомандовала Фия. Марта, оказавшаяся ближе всех к двери, отворила тяжёлую дубовую створку.

На пороге стоял Йоран. Он был одет в тот же представительский плащ с меховой оторочкой, что и вчера, но его лицо сегодня было куда более напряжённым и усталым, словно он не спал всю ночь. Он поклонился — сдержанно, но почтительно.

— Леди Фиомела, господа, — его голос звучал ровно, но в нём сквозила какая-то новая, едва уловимая тревога. — Доброе утро. Его величество король Мартин Второй просит вас проследовать за мной. Он готов продолжить аудиенцию.

— Мы как раз собирались, господин Йоран, — ответила Фия, и в её тоне проскользнула лёгкая, почти незаметная ирония. — Какая пунктуальность. Ведите.

Они вышли из поместья в прохладное, туманное утро. Солнце ещё не до конца разогнало ночную дымку, и замок Талриана плыл в этом тумане, как мифическая крепость, поднятая со дна морского. Влажный, солёный воздух обволакивал лицо, проникал под одежду, принося с собой запах водорослей, свежей рыбы и далёкого дыма портовых жаровен. Где-то внизу, в гавани, уже кипела жизнь: скрип лебёдок, крики грузчиков, удары колоколов на кораблях, отмерявшие вахты.

Однако на этот раз их путь лежал не в Малый Тронный Зал, а вглубь замка, по узким, сводчатым коридорам, куда редко ступала нога постороннего. Здесь не было гобеленов и трофеев — только голый, потемневший от времени камень, редкие факелы в кованых кольцах и тишина, нарушаемая лишь эхом их шагов. Охраны почти не было видно — лишь у одной из дверей стояли двое стражников, которые при приближении процессии Йорана расступились без единого вопроса.

— Куда мы идём? — шёпотом спросил Винсент, наклонившись к Фие. — Это не путь в тронный зал. Я изучал планы замка...

— Похоже, планы изменились, барон, — тихо ответила она.

Сандор, идущий в арьергарде, чувствовал, как растёт напряжение в его груди. Отто, шагавший рядом, казался расслабленным, но это была та самая, особая расслабленность, за которой скрывалась готовность в любую секунду взорваться смертоносным действием. Он сканировал пространство, каждый поворот, каждую нишу, откуда могла прийти угроза. Но пока — ничего. Только камень, туман и шаги.

Наконец, Йоран остановился перед массивной дубовой дверью, украшенной лишь простым, но искусно вырезанным гербом Талриана — орёл, якорь, меч. Он постучал и, не дожидаясь ответа, отворил дверь.

— Прошу, — сказал он, делая шаг в сторону и пропуская их внутрь.

Они вошли в личный кабинет короля Мартина Второго.

Это помещение мало походило на тронные залы, к которым привыкли дипломаты вроде Винсента. Здесь не было золота, бархата и парадной помпезности. Это была комната человека, который привык работать и принимать решения, а не позировать на троне. Стены были обиты тёмным, чуть вытертым деревом, на котором висели старые, свёрнутые в рулоны морские карты, потрёпанные навигационные приборы и несколько абордажных сабель. Огромное окно во всю стену выходило на гавань, и сквозь него лился яркий, дневной свет, освещающий массивный письменный стол из чёрного дуба, заваленный бумагами, свитками и парой пустых кофейных чашек. В углу, на треноге, стоял огромный, старинный телескоп, направленный в сторону моря. В воздухе витал запах соли, старой бумаги и слабый аромат трубочного табака.

Король Мартин стоял у окна, спиной к вошедшим. Он был одет не в парадный дублет, а в простой, тёмно-синий камзол без знаков различия — одежду моряка, а не монарха. Рядом с ним, чуть в стороне и в тени, стоял человек. Охранник. Он был высок, широк в плечах, с

грубоватым, обветренным лицом и холодными глазами, которые смотрели на вошедших с той особой, неподвижной настороженностью, какая бывает только у тех, кто видел слишком много боёв и слишком мало мирных дней. Его правая рука, покрытая старыми, белыми шрамами, покоилась на эфесе длинного, явно не церемониального меча. Доспехов на нём не было — только кожаная куртка, но её покрой и поношенность говорили о том, что перед ними боец, а не декорация.

— Входите, — произнёс король, не оборачиваясь. — И закройте за собой дверь.

Йоран, всё ещё стоявший в проёме, поклонился и бесшумно удалился, притворив дверь. Они остались одни — точнее, вшестером: четверо членов делегации, король и его безмолвный телохранитель.

Мартин повернулся. Его лицо, сухое и обветренное, как карта штормов, было сегодня иным, чем вчера. Не ледяная маска короля, а выражение человека, принявшего решение и подготовившегося к последствиям. Он обвёл взглядом вошедших — задержался на Фие, на Винсенте, на Марте, потом на Отто и, наконец, на Сандоре. Удовлетворённо, или, скорее, обречённо кивнул.

— Для начала, — сказал он, отстёгивая с плеч тяжёлую синюю мантию и небрежно вешая её на спинку стула, — я приказываю всем слугам и страже покинуть это помещение. Всех, кроме Эрика.

Он кивнул на своего охранника, и тот ответил коротким, молчаливым кивком. Больше в кабинете никого не было. Мартин оглядел группу и усмехнулся — сухо, без веселья.

— Да, я знаю, это выглядит странно. Личный кабинет, а не тронный зал. Никаких пажей, советников, свидетелей. Но, поверьте, так надо.

Фия шагнула вперёд. Её голос был ровным, но в нём слышалось настороженное любопытство.

— Ваше величество, чем обосновано столь... неформальное приглашение? Мы готовились к аудиенции в тронном зале, согласно всем дипломатическим протоколам.

— К чёрту протоколы, — резко бросил Мартин, и от этого неприкрытого, солдатского отрицания всего, на чём строилась дипломатическая карьера Винсента, барона чуть не перекосило. — К чёрту этикет, формальности и всю ту позолоту, которой мы пытаемся прикрыть гниль. Я позвал вас сюда, потому что то, что я должен сказать, не для посторонних ушей. Даже в моём собственном дворце.

Он прошёл к массивному переговорному столу, стоявшему в центре комнаты, и указал на стулья вокруг него.

— Прошу, садитесь. Разговор будет долгим и малоприятным. Ситуация такова, что вино и закуски подождут. Нам всем сейчас не до пиров.

Фия и Винсент переглянулись, затем заняли места за столом. Марта, не зная, куда себя деть, осталась стоять у двери, но Мартин махнул ей рукой: «Вы тоже, вы тоже. Сегодня здесь все равны». Она нерешительно присела на край стула. Сандор и Отто остались стоять за спиной Фии, и король, бросив на них быстрый взгляд, не стал настаивать.

Мартин упёрся руками в стол, наклонившись вперёд, как капитан над картой перед боем. Его голос, низкий и резкий, заполнил комнату без остатка:

— Итак. У меня к вам три вопроса, или, скорее, три темы, которые я хочу прояснить, прежде чем мы вообще начнём говорить о каких-либо переговорах. От того, какие ответы я получу, зависит всё. И ваша безопасность в том числе.

Он поднял один палец — грубый, покрытый шрамами от старых порезов палец моряка, а не короля.

— Первый. За день до вашего прибытия — точнее, вечером того дня, когда, как мы теперь знаем, вы сражались с Дариусом Фламменом, — я получил распоряжение. Официальное. С имперской печатью. От императора Эдварда Первого.

Винсент, который, казалось, наконец-то попал в привычную стихию протоколов и официальных бумаг, тут же выпрямился.

— Распоряжение? Какого содержания?

— Задержать, — отчеканил Мартин. — Всю делегацию, всех её членов, включая вас, леди Фиомелла. Задержать и удерживать в Талриане до дальнейших распоряжений императора. Не причиняя вреда, но и не давая возможности покинуть город.

Тишина, повисшая в кабинете, была физически осязаемой. Винсент побледнел. Фия замерла, её глаза расширились. Даже Марта, которая обычно не вмешивалась в политические дискуссии, тихо ахнула. Сандор почувствовал, как напряглись мышцы Отто за его плечом.

— Приказ задержать собственную делегацию? — произнесла Фия, и её голос, несмотря на все усилия, дрогнул. — Это... это бессмыслица. Зачем? На каком основании?

— Вот именно, леди Фиомелла, — Мартин горько усмехнулся. — Задерживать отправленную им же самим имперскую миссию? Звучит как полный, абсолютный бред. Как приказ, состряпанный либо безумцем, либо... тем, кто называет себя императором, но императором не является. Однако, при всём при этом, приказ был подлинным. Печать, подписи, всё. Отказаться в исполнении — это открытый мятеж. А Талриан, при всей нашей гордости и истории, не находится в том положении, чтобы в одиночку бросать вызов Гипериону. Мы — портовое королевство, а не военная держава.

Он на мгновение замолчал, переводя дыхание. Его пальцы, сжатые в кулаки, побелели.

— Поэтому я и был так напряжён вчера. Я получил приказ арестовать вас, но вместо клерков предо мной предстала потрёпанная, но не сломленная группа, которая, по слухам, только что убила мага экстремального класса угрозы. Согласитесь, это несколько меняло дело.

Он поднял второй палец.

— Второй вопрос. Самый простой и самый важный. Как? Как вы, во имя всех штормов, убили Дариуса Фламмена?

Он повернулся к своему охраннику.

— Эрик. Покажись.

Охранник молча шагнул вперёд и, без лишних церемоний, стянул с себя кожаную куртку и рубаху. Его торс, мощный, покрытый мускулами, был испещрён шрамами. Но самые страшные из них были на левом боку и плече — огромные, белые и розовые, бугристые пятна ожогов, явно магического происхождения. Такие следы не оставляло обычное пламя. Это было прикосновение огня, живого и ненавидящего.

— Эрик — один из двух человек, кому удалось выйти живым из схватки с Фламменом, — негромко сказал Мартин. — Это было десять лет назад, когда тот ещё не был изгнан из Ордена. Нас было пятнадцать, элитный абордажный отряд. Мы шли на задание по захвату судна, которое, как оказалось, было прикрыто этим магом. Из пятнадцати выжили двое. И то лишь потому, что Фламмену стало скучно, и он просто ушёл, оставив нас гореть.

Эрик, чьё лицо оставалось каменным, молча надел рубаху и куртку. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то — не боль, не страх, а глубокая, застарелая ненависть.

— Так что, поверьте, — продолжал Мартин, вновь упираясь руками в стол, — я знаю, о чём говорю. Я видел разных бойцов. Я видел абордажные схватки, в которых сталь встречалась со сталью, и люди резали друг друга в упор. Я видел схватки с магами, в которых один заклинатель мог обратить в ничто целую шеренгу солдат. Я видел всё.

Он перевёл взгляд прямо на Сандора, и в этом взгляде не было враждебности — была спокойная, трезвая оценка.

— Ты силён, парень. Я это вижу по тому, как ты стоишь, как двигаешься, как держишь это копьё. Ты хороший боец, возможно, даже очень хороший. Но когда я вчера увидел тебя там, в тронном зале, я сразу понял: ты не тот человек, который мог в одиночку убить Дариуса

Фламмена. Не потому, что ты слаб. А потому, что это невозможно для обычного человека, даже самого тренированного. И это не оскорбление. Это факт.

Сандор молчал. Его лицо оставалось непроницаемым, но внутри он чувствовал, как земля начинает уходить из-под ног. Мартин был слишком умён, слишком опытен и слишком прямолинеен. Он видел правду, даже не зная её деталей.

— При этом, — продолжил король, — факт смерти ренегата подтверждён. Наши разведчики осмотрели место боя. Они нашли то, что осталось. Вернее, то, чего не осталось. Выжженная земля, оплавленный камень, полное отсутствие органических останков. Так что вопрос остаётся: как? Кто? Что произошло на самом деле?

Он не сводил глаз с Сандора, и в этом взгляде читалось требование ответа.

— И наконец, третий вопрос, — сказал Мартин, поднимая третий палец. — Тот самый, из-за которого я прервал вчерашнюю аудиенцию. Вчера, когда вы стояли передо мной и излагали свою переговорную позицию, я получил сообщение. Не через официальные имперские каналы. Через тайную дипломатическую сеть Альберта Лангра. А Лангр, надо вам сказать, не просто герцог и не просто «сухой аналитик», как его называют при дворе. Он — единственный человек в Гиперионе, с которым я поддерживаю постоянный контакт. И единственный, кому я доверяю.

Он сделал глубокий вдох и выдохнул, словно готовясь бросить в воду якорь невиданной тяжести.

— Сообщение было коротким и однозначным. Эдвард Первый мёртв. Император умер прошлой ночью.

В кабинете стало так тихо, что слышно было, как бьётся о стекла окна муха, залетевшая с улицы. Винсент Лорен издал странный, сдавленный звук, похожий на всхлип. Фия побледнела так, что её лицо стало белее мела. Марга вцепилась в край стула, её побелевшие пальцы дрожали.

— Мёртв? — прошептала Фия. — Император... мёртв?

— Да, — твёрдо сказал Мартин. — Но это ещё не всё. Сообщение содержало второй пункт. Приказ о вашем задержании, который я получил, был отдан не Эдвардом. Он был отдан принцем Казимиром. От имени императора, с его печатью, но без его ведома.

Голос Мартина стал жёстче, злее.

— Я тридцать лет управлял кораблями, леди Фиомелла. Я разбираюсь в приказах и в том, кто стоит за ними. Получить приказ задержать имперскую делегацию — это подозрительно. Получить приказ за подписью императора за день до его смерти — это ещё подозрительнее. А узнать, что приказ отдал наследный принц, который ещё не коронован и даже не объявлен регентом, — это уже пахнет не просто интригой. Это пахнет государственным переворотом.

— Казимир... — выдохнула Фия. — Но он... он же наследник. Зачем? Зачем ему задерживать нас?

— Вот это я и надеялся выяснить у вас, — ответил Мартин. — Но, судя по вашему лицу, вы знаете не больше моего. Что ж, это одновременно и плохо, и хорошо. Плохо — потому что мы все в одной дырявой лодке посреди шторма. Хорошо — потому что я теперь уверен: вы не часть этого заговора.

Он откинулся на спинку стула и потёр переносицу.

— Лангр — мой старый друг. Мы были знакомы ещё до того, как он стал герцогом, а я — королём. Он не стал бы присылать мне это сообщение просто так. Он рисковал всем: своей шпионской сетью, своей репутацией, возможно, жизнью. И раз он это сделал, значит, он заботится о вас. О леди Фиомеле. Или о Кассиане. Или о том, чтобы империя не развалилась окончательно. Поэтому я принял решение: я лучше помогу Альберту Лангру и вам, чем выполню приказ принца без короны, человека, который ещё не объявлен императором, но уже раздаёт приказы о задержании дочери одного из Столпов Империи.

Он замолчал, давая им время переварить услышанное.

Фия сидела, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Винсент выглядел так, словно его ударили по голове мешком с песком — его глаза беспомощно бегали, мозг отказывался обрабатывать информацию. Император, на котором держалась вся их миссия, весь их мандат, их легитимность, был мёртв. И тот, кто пытался выдать себя за источник их полномочий, на самом деле был их врагом.

— Что же теперь делать? — пробормотал Винсент, его голос дрожал. — Мы... наша миссия... она бессмысленна! Без императора наш мандат — пустая бумажка. С таким же успехом можно просто...

— Заткнуться и умереть? — хрипло перебил его голос из-за спины Фии.

Отто шагнул вперёд из тени, где он стоял всё это время. Его лицо было спокойным, даже скучающим, но в глазах плясали те самые холодные, древние искры, которые они видели в лесу, когда он стирал Дариуса Фламмена в небытие.

— Похоже, история и правда циклична, — произнёс он, растягивая слова с ленивой, горькой усмешкой. — Империя на грани, император мёртв, наследник — очередной амбициозный кретин, а Столпы грызутся друг с другом. Похоже, мир неумолимо идёт к краху, сколько бы его ни пытались спасти дураки вроде нас.

Мартин перевёл взгляд на Отто, и в его глазах мелькнул холодный, оценивающий интерес. Он смотрел на старика так же, как смотрел на Сандора — как на загадку, которую нужно разгадать, или на угрозу, которую нужно измерить.

— Я так понимаю, этот господин — не просто телохранитель? — спросил он.

— Я не понимаю, о чём вы, ваше величество, — ответил Отто, даже не пытаясь изобразить почтительность. — И да, вы правы. Сержантик — хороший боец. Очень хороший. Уж я знаю. Впрочем, кто именно это сделал — не та история, которую стоит обсуждать вслух, даже в личном кабинете короля, за которого мы все тут едва ли не молимся от благодарности.

Фия наконец взяла себя в руки. Она глубоко вздохнула, выпрямилась на стуле, и её лицо вновь обрело ту холодную, властную уверенность, которая была её главным оружием.

— Хорошо. Итак, мы имеем следующее. Император Эдвард мёртв. Принц Казимир отдал приказ о нашем задержании, подделав подпись отца, ещё до его смерти — или сразу после. Это пахнет заговором и, возможно, чем то гораздо хуже. Следующей целью нашей миссии был Вестенхольм, но ехать туда сейчас, без имперского мандата и без защиты, опасно вдвойне. Я предлагаю...

Она остановилась на секунду, собираясь с мыслями.

— Я предлагаю вернуться в Гиперион. Немедленно. Только там мы сможем разобраться с тем, что происходит, найти моего отца, выяснить, кто стоит за всем этим.

Мартин покачал головой.

— Возвращаться сейчас в Гиперион, леди Фиомела, может быть ещё опаснее, чем продолжать путь. Подумайте логически. Раз был отдан такой приказ о вашем задержании, то дело однозначно в вас. Кто-то, вероятнее всего, хочет надавить на вашего отца, герцога Кассиана. Вы — его единственная дочь, его наследница, его слабость. Захватить вас — значит получить рычаг давления на одного из трёх Столпов Империи.

Он помолчал, давая ей осознать.

— Я встречался с Кассианом. Однажды, много лет назад, на большом совете в Креатосе. Мы почти не говорили, но я хорошо его запомнил. Он не производит впечатление дурака или слабака. Напротив. Таких, как он, называют холодными и расчётливыми, но я таких называю выжившими. Он поймёт, что происходит. Если он ещё жив и свободен, он уже ищет способ защитить вас. Возвращаться в пасть к тем, кто, возможно, уже контролирует столицу, — это не храбрость. Это глупость.

— Тогда что вы предлагаете? — спросила Фия, и в её голосе впервые прозвучала нотка беспомощности.

— Отправляйтесь в ближайший вольный город, — сказал Мартин. — Это примерно в дне пути к югу отсюда. Большой торговый город, формально он не принадлежит ни одному из вассальных королевств. Там есть надёжные каналы связи, которые я могу использовать, чтобы передать вам сообщения. Там вы сможете переждать, разобраться с информацией и, что самое главное, найти способ связаться с Кассианом напрямую. Узнать у него, что происходит в столице, жив ли он, свободен ли он. И уже тогда принимать решение.

Он поднялся со стула и подошёл к окну, глядя на гавань.

— Я предоставлю вам карету. Без гербов, простую, но надёжную. Поедете не как имперская делегация, а как обычные аристократы, путешествующие по своим делам. Вам дам сопроводительные документы — не имперские, а талрианские, с моей личной подписью. В этих краях они весят не меньше, а то и больше, чем бумаги из Санвела.

Фия задумалась. Затем подняла глаза:

— И какие гарантии, что по пути на нас снова не нападут? В прошлый раз мы едва выжили. И то лишь благодаря...

Она бросила быстрый взгляд на Сандора, затем на Отто.

— Никаких гарантий, — честно ответил Мартин. — Но я считаю этот вариант более логичным и более безопасным, чем возвращение в Гиперион, где, возможно, вас уже ждут. И потом, — он повернулся к ним, и на его губах заиграла слабая, почти незаметная улыбка, — защитники у вас есть. Сандор — обученный боец, и, как мы уже выяснили, не просто боец. Это я понял вчера, хоть и не до конца. А этот старик...

Он посмотрел прямо в глаза Отто, и в его взгляде не было ни страха, ни подобострастия — было холодное, моряцкое уважение к тому, кого не можешь понять до конца, но чью опасность чувствуешь нутром.

— Я не знаю, кто ты такой, — медленно произнёс Мартин. — Я не знаю, на что ты способен. Я даже не уверен, стоит ли мне это знать. Но я двадцать лет ходил в море. Двадцать из них — водил корабли в бой. Я видел людей, которые были опаснее магов. Я видел оружие, которое пряталось в человеческом облике. Я нутром чую — ты опасен. Очень опасен. И меня это устраивает. Потому что сейчас опасный союзник — это именно то, что нужно леди Фиомеле.

Отто долго смотрел на него, не моргая. Потом его лицо расколола широкая, кривая ухмылка.

— Ну, хоть кто-то в этой дыре ещё не просрал мозги, — сказал он. — Ладно, ваше величество. Будем считать, что я впечатлён вашей прозорливостью и вашим вкусом к нестандартным союзникам. Да и пошло у вас в усадьбе неплохое.

Фия перевела взгляд с Мартина на Отто, потом на Сандора. Винсент, который всё это время сидел, схватившись за голову, наконец поднял глаза.

— Леди Фиомела, — тихо произнёс он, — я... я не знаю, что сказать. Это выходит за рамки любой дипломатической практики. Но... я доверяю вам. И я доверяю вашему суждению. Если вы считаете, что план короля Мартина — наш лучший шанс, я поддержу его.

Марта молча кивнула, и в этом кивке было больше поддержки, чем в длинной речи.

Фия встала. Её лицо было бледным, но решительным.

— Хорошо. Мы принимаем ваш план, ваше величество. Мы отправимся в вольный город, найдём способ связаться с отцом и будем действовать по обстоятельствам. У нас нет другого выбора.

— Рад слышать, — кивнул Мартин. — Тогда возвращайтесь в поместье, собирайте вещи. Карета будет готова в течение часа. Я также отправлю послание Альберту Лангру через мои каналы — сообщу ему, где вас искать, чтобы Кассиану было проще связаться с вами, если он сможет.

Он сделал паузу и добавил — полушутливо, но с явным, плохо скрываемым смыслом:

— И, надеюсь, я не слишком самонадеян, но... когда вся эта пыль осядет, и если вы, леди Фиомела, и ваш отец, герцог Блэкторн, выйдете из этой передраги победителями... я надеюсь, Гиперион и род Блэкторнов не забудет, кто им помог в трудную минуту. Талриан — маленькое королевство, но мы умеем быть верными союзниками. Или опасными врагами. Выбор всегда за теми, кто сильнее.

Фия посмотрела на него, и в её глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Я не забуду, ваше величество. Мой отец тоже. Даю вам слово дома Блэкторн. А теперь, с вашего позволения, мы пойдём собираться.

Мартин кивнул, и они поднялись. Фия первой направилась к выходу, за ней — Винсент и Марта. Сандор и Отто задержались на секунду, обменявшись короткими, но красноречивыми взглядами с королём. Затем они тоже вышли.

Дверь за ними закрылась, и Мартин остался в кабинете вдвоём с Эриком. Некоторое время они молчали. Потом король тяжело вздохнул и потёр лицо ладонями.

— Ну что, Эрик, — тихо сказал он, — кажется, я только что поставил всё, что у нас есть, на карту, которой даже не видел. Ставка — будущее Талриана. И, возможно, моя голова.

— Мы бывали в переделках и похуже, капитан, — ответил охранник. — По крайней мере, на этот раз мы на стороне тех, кто, кажется, знает, что делает.

— Кажется, — повторил Мартин. — Вот именно, что кажется.

Он повернулся к окну и долго смотрел на утреннее море, блестящее под лучами солнца, как расплавленное серебро.

...

Воздух в подвале был густым, спёртым и тяжёлым, пропитанным вездесущей угольной пылью, сыростью старых камней и едва уловимым запахом машинного масла, которое, казалось, въелось в саму ткань Айронфорджа. Этот подвал, когда-то бывший частью огромного литейного цеха, а ныне — грудой полуразрушенных стен и опор, стал местом, которое Винни называл своей «штаб-квартирой». Громкое слово для того, что представляло собой несколько кривых деревянных ящиков, заменявших столы, пару коптящих масляных ламп и охапку прелой соломы в углу, служившей постелью. Но для тех, кто собирался здесь, это было больше, чем просто подвал. Это был шанс. Надежда. Островок порядка в море хаоса.

Винни сидел на перевёрнутом ящике, скрестив ноги, и сосредоточенно пересчитывал мелкие монеты, раскладывая их стопками по пять штук. Его оттопыренные уши, которые он обычно прятал под шапкой, сейчас были открыты, чуть подрагивая, улавливая каждый звук — он всегда прислушивался, даже когда был в относительной безопасности. Толстые, но ловкие пальцы двигались быстро, привычно, и в их движениях была та особая, почти музыкальная ритмичность, которую даёт только многолетняя практика. Вор, информатор, лидер — Винни давно перестал быть просто мальчишкой-карманником. Теперь он был центром сети, которая охватывала и трущобы Айронфорджа, и даже некоторые кварталы Креатоса. Его «Большие Уши» слушали всё: от шёпота на базарах до разговоров в тавернах, от приказов офицеров до сплетен служанок в богатых домах.

В подвал спустились трое.

Они вошли не через главный вход — его давно не существовало, — а через узкий лаз в стене, замаскированный кучей битого кирпича и ржавого железа. Все трое двигались с той же скользкой, кошачьей грацией, что и сам Винни, — уличные дети, наученные двигаться бесшумно, говорить шёпотом и видеть в темноте. Их одежда была такой же пёстрой и потрёпанной: заплатанные куртки, рваные, но чистые рубахи, обмотки на ногах вместо сапог. Младшему на вид было не больше двенадцати, старшему — едва ли шестнадцать.

Винни поднял голову от монет и улыбнулся. Улыбка у него была странная — наполовину волчья, наполовину отеческая.

— Ну, давайте, — сказал он, поднимаясь и протягивая руку первому. — Докладывайте, что удалось собрать сегодня.

Первый парень, самый старший из троих, с узким лицом и вечно прищуренными глазами, пожал ему руку — крепко, по-деловому. Его специализацией были кражи, и он этим гордился.

— Слушай, Большие Уши, — начал он, понизив голос. — Мы вчера в Креатосе поработали. Нижний ярус, там, где торгуют всякой мелочью. Улов не большой, но есть. Пара кошель у зазевавшихся купчиков, один бумажник у мелкого чинуши. И вот, — он вытащил из-за пазухи небольшой, туго набитый мешочек и бросил его на ящик перед Винни. — Там же взяли у одного торгаша. Отвлекли его спором, пока Лисёнок срезал кошель с пояса.

Винни взял мешочек, взвесил на ладони, развязал и заглянул внутрь. Кивнул.

— Хорошо. Не густо, но для одного дня неплохо. Всё чисто?

— Без следов. Проверили, — парень пожал плечами. — Эти торгаши такие жирные, что потери не замечают до вечера.

— Ладно, — Винни убрал мешочек в карман. — На сегодня хватит. Передай своим, чтоб затаились на пару дней. В городе сейчас слишком много суеты. Лишний риск ни к чему.

Он повернулся к двум другим парням. Один из них, коренастый и угрюмый, отвечал за сбор информации в Айронфордже. Второй, одетый чуть более опрятно — в чистую куртку и почти новые сапоги, — работал в основном в Креатосе, выдавая себя за посыльного мелкой лавки.

— Ну, а вы? Что слышно?

Коренастый заговорил первым:

— В Айронфордже всё то же самое. Постоянные ротации. Остатки «Серых плащей» гоняют туда-сюда, как муравьи в разорённом муравейнике. Никто не понимает, что они делают. То ли ищут кого-то, то ли просто делают вид, что работают. Патрули усилились в восточных кварталах, ближе к шахтам. Там вообще всё на замке, никого не пускают, даже своих.

— А люди что? — спросил Винни.

— Люди злые. Голодные. Многие хотели бы уйти к Рокбэллу, но боятся. Говорят, восточные шахты уже полностью под ним, он туда только своих пускает. И, — он понизил голос, — поговаривают, что у него там целое производство налажено. Углубляются в шахту. Не просто копают, а именно проходят. Если это правда, то он не просто бунтарь. Он ищет что-то... серьёзное.

Винни задумчиво потёр подбородок.

— Продолжай слушать. Особенно всё, что касается шахт и передвижений Серых. Это сейчас самое важное.

Второй парень, тот, что выглядел поопрятнее, заговорил следом:

— В Креатосе странно. Очень странно. Ценной информации нет, но странной — хоть отбавляй. Во дворце какая-то суета. Бароны и графы носятся как угорелые, совещаются, запираются в кабинетах. Слуги говорят, что всю ночь во дворце горел свет, и никто не спал. Поговаривают, там какие-то перестановки. Что-то случилось, но что именно — никто не говорит вслух.

— Перестановки? — переспросил Винни, его уши чуть дёрнулись. — Какие перестановки?

— Этого никто не знает. Но один мой знакомый лакей, он работает в крыле кронпринца Казимира, сказал, что там всю ночь ходили какие-то люди. Не слуги, не стража. Чужие. В тёмных плащах.

Винни медленно кивнул, переваривая информацию.

— Это плохо, — тихо сказал он. — Это очень плохо. Если Казимир что-то затеял, это коснётся всех нас.

Коренастый парень, слушавший с мрачным интересом, вдруг оживился:

— Слушай, Винни. Раз такое дело, может, нам подпортить дела Серым? Мы знаем их маршруты, знаем, где у них склады. Можно устроить пару поджогов, добавить хаоса. Заодно и поживиться чем-нибудь.

Он говорил с азартом, явно предвкушая возможность действовать, а не просто сидеть и слушать. Но Винни молчал. Он смотрел на язычок пламени в масляной лампе, и его лицо было сосредоточенным, почти мрачным. Потом он медленно покачал головой.

— Нет. Запрещаю. И передай всем остальным — пока избегайте любых контактов с Серыми плащами. Не лезьте к ним. Не дразните их. Не качайте лодку ещё сильнее.

Коренастый нахмурился.

— Но почему? Они же наши враги! Они гоняли нас, хватали наших, сажали в ямы...

— Потому что, — резко перебил его Винни, поднимаясь с ящика и делая шаг к парню, — ты, кажется, забыл кое-что. Забыл, благодаря кому твои парни не подошли от голода и холода совсем недавно? Забыл, кто дал денег на ту еду и тёплую одежду, что сейчас на тебе?

Коренастый отступил на шаг, но Винни продолжал наступать.

— Это был один из Серых плащей, понял? Один из тех, кого ты хочешь «подпортить». Сандора. Сержант, которого вы все считали просто ещё одним солдафоном в серой форме. Это он дал мне те деньги. Это благодаря ему вы живы. И я не позволю тебе — или кому-то ещё — нападать на Серых только потому, что тебе, видите ли, скучно сидеть в подвале.

В голосе Винни не было угрозы. Была сталь. Холодная, твёрдая, как клинок, спрятанный за пазухой. Он схватил коренастого за ворот куртки и притянул к себе.

— Мы не воюем со всеми подряд. У нас есть враги, да. Мы ненавидим тех, кто нас притесняет, — и это правильно. Но не все, кто носит серый плащ, — наши враги. Если ты этого не понимаешь, то ты не умнее той крысы, что роется в мусоре за углом.

Он отпустил парня, и тот отшатнулся, тяжело дыша, но в его глазах не было злобы — только удивление и смущение.

— Ладно, — буркнул он, поправляя воротник. — Как скажешь, Большие Уши. Передам всем.

Винни отступил, его лицо смягчилось. Он оглядел всех троих, стоявших перед ним — уставших, грязных, но живых. Его парней. Его ответственность.

— Идите. На сегодня всё. Завтра жду новых докладов.

Они кивнули и, не произнося больше ни слова, один за другим скрылись в узком лазе, оставив Винни одного в полумраке подвала. Масляная лампа слабо мерцала, бросая на стены дрожащие тени.

Он постоял мгновение, глядя им вслед. Потом медленно подошёл к груде ящиков, заменившей стол, и опёрся на него обеими руками. Пальцы, всё ещё хранившие ловкость опытного карманника, вцепились в шершавое дерево.

— Не переживай, Сандор, — прошептал он в пустоту, и его голос был тихим. — Я знаю, ты хороший парень. Ты спас меня, когда я был никем. Ты отдал всё, что имел, чтобы помочь тем, кого даже не знаешь. И пока я жив... пока я дышу... Айронфорд будет на твоей стороне.

Он поднял голову, и в свете лампы его глаза блеснули — не влагой, а той самой, особой решимостью, которая заставляла его, тощего ушастого мальчишку, вести за собой других, бросать вызов судьбе и выживать там, где выжить было невозможно.

Глава 23 Короли не правят вечно.

Покои кронпринца Казимира были окутаны тишиной — не той умиротворённой, какая бывает в предрассветный час, когда весь мир ещё спит, а тяжёлой, удушающей, как саван, наброшенный на ещё не остывшее тело. Шторы из плотного, тёмно-бордового бархата, расшитого золотыми нитями, были задёрнуты наглухо, не пропуская в комнату ни лучика утреннего солнца. Воздух был спёртым, пропитанным запахом остывшего воска от догоревших свечей, пота и того особого, едва уловимого аромата страха, который не выветривается никакими благовониями.

Казимир сидел в огромном, обитом тёмной кожей кресле с высокой спинкой, которое когда-то, в дни его детства, казалось ему тронем великана. Теперь оно было просто креслом — слишком большим, слишком холодным, слишком пустым для одного человека. Он сидел, откинувшись назад и уставившись в потолок невидящим взглядом. Его поза, обычно столь заученно-величественная, была сломленной: плечи опущены, руки безвольно лежали на подлокотниках, пальцы чуть подрагивали. На нём всё ещё был тот же камзол, что и сутки назад — роскошный, расшитый золотом, но теперь измятый, с расстёгнутым воротом и винным пятном на манжете, которого он даже не заметил.

День назад он был наследным принцем. Теперь он был... кем? Царевубийцей. Отцеубийцей. Императором без короны. Или просто убийцей, чей отец знал всё и выпил яд, глядя ему в глаза.

Воспоминания нахлынули без спроса, безжалостно, как морской прилив, захлёстывая сознание с той же неумолимостью, с какой вода заполняет лёгкие утопающего...

////Днём ранее.

Казимир расхаживал по своим покоям, когда гудение устройства связи разорвало тишину. Этот звук, похожий на резонанс тонкого стекла, он уже научился распознавать мгновенно, и каждый раз оно отдавалось в его груди смесью возбуждения, страха и жадного, пожирающего предвкушения. Он бросился к тайнику, достал кристаллическую пластину, активировал её. Над поверхностью возникло знакомое, размытое, искажённое изображение, и тот самый механический, многослойный голос, который не принадлежал ни мужчине, ни женщине, ни человеку, заполнил комнату.

— Ваше высочество. Время пришло.

Казимир замер. Сердце пропустило удар, затем забилось вдвое быстрее. В горле пересохло.

— Что... что вы имеете в виду?

— Время реализовывать ваши амбиции. Момент, которого вы ждали. Всё подготовлено. Спуститесь в сад за королевским дворцом, к восточной аллее, туда, где старая беседка, увитая плющом. Там вас будет ожидать человек. Он передаст вам дальнейшие инструкции и всё, что понадобится. Всё, что нужно для того, чтобы устранить последнее препятствие на вашем пути к трону. Вы готовы, принц Казимир?

Готов ли он? Этот вопрос жёг изнутри. Он мечтал об этом моменте неделями, представлял его в красках, смаковал в бессонные ночи после каждого унижения, каждого косога взгляда отца, каждого намёка на то, что Людвиг может стать фаворитом. Но теперь, когда слова были произнесены, когда абстракция стала реальностью, Казимир почувствовал, как что-то внутри него сжалось в холодный, тугой ком.

— Да, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал гордо и уверенно. — Я готов.

— Тогда действуйте. И помните: будущее Гипериона в ваших руках. Император.

Связь прервалась. Голограмма погасла. Казимир остался стоять с устройством в руках, глядя в пустоту. «Император». Это слово, которого он ждал всю жизнь, сейчас прозвучало

не как триумф, а как приговор. Он глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки, расправил плечи, придав лицу выражение холодной, надменной решимости. Но внутри, где-то глубоко, под слоем амбиций и тщеславия, что-то затряслось мелкой, противной дрожью.

Он спустился в сад.

Восточная аллея в этот час была пустынна. Старая беседка, увитая пожухлым, почерневшим от осени плющом, стояла в тени вековых дубов, чьи голые, искривлённые ветви тянулись к небу, как костлявые пальцы мертвецов. Казимир шёл быстрым, нервным шагом, озираясь по сторонам, вздрагивая от каждого шороха листьев под ногами. В его голове крутились обрывки мыслей — «а если это ловушка», «а если за мной следят», «а если отец уже знает» — но он гнал их прочь, внушая себе, что это просто предстартовый мандраж, что так бывает со всеми великими людьми перед великими свершениями.

В беседке никого не было. Он остановился, тяжело дыша, и вдруг понял, что воздух вокруг стал холоднее. Буквально — температура упала на несколько градусов, и из его рта вырвалось облачко пара. Затем из тени деревьев, оттуда, где, казалось, только что была сплошная чернота, выскользнула фигура. Человек в длинном, тёмном плаще с глубоким капюшоном, полностью скрывавшим лицо. Двигался он абсолютно бесшумно, словно призрак, и его появление было настолько внезапным, что Казимир невольно отшатнулся, чуть не поскользнувшись на влажной траве.

— Вы пришли, — произнесла фигура. Голос был низким, шершавым, лишённым каких-либо интонаций — не столько человеческая речь, сколько воспроизведённый звук. — Хорошо. У нас мало времени. Возьмите.

Из складок плаща показалась рука в чёрной перчатке, державшая небольшой свёрток из тёмной, промасленной ткани. Казимир, стараясь унять дрожь в пальцах, принял его. Свёрток был лёгким, почти невесомым.

— Внутри — экстракт, — продолжал незнакомец, и каждое его слово падало, как камень в тихий пруд. — У него нет вкуса. Нет цвета. Нет запаха. Он не оставляет следов ни в теле, ни в памяти металла или дерева. Действует быстро. Цель должна принять его внутрь. Как вы это обеспечите — ваша забота. Больше мы с вами не увидимся.

И, не дожидаясь ответа, фигура развернулась и шагнула обратно в тень деревьев. Казимир моргнул — и на том месте уже никого не было. Только холодный ветер шелестел сухими листьями да бешено колотилось сердце в груди.

Он стоял, сжимая свёрток, и смотрел в темноту. Внутри него боролись два чувства: леденящий ужас перед тем, что ему предстояло, и странная, почти наркотическая эйфория от того, что он, Казимир, наследный принц, наконец-то делает то, что должен. Что он не слабак, не марионетка, не посмешище для отцовских советников. Что он — сила. Что он — власть. Что он — император.

Трясущимися руками он развернул ткань. Внутри лежал крошечный, стеклянный бутылёк с прозрачной, как вода, жидкостью. Казимир быстро спрятал его под камзол, прижав к груди, и, всё так же нервно озираясь, зашагал обратно к дворцу.

Путь до императорских покоев был пыткой.

Каждый шаг отдавался в голове пульсирующим эхом. Каждый встречный слуга, каждая тень на стене казались свидетелями его преступления, которые уже всё знают и только ждут момента, чтобы разоблачить его. Казимир то ускорял шаг, почти переходя на бег, то, наоборот, замедлялся, цепляясь за стены, борясь с приступами тошноты. В висках стучало. Ладони вспотели, и он то и дело вытирал их о камзол, оставляя на дорогой ткани влажные следы. В голове крутился один и тот же вопрос: «Как? Как я это сделаю? Как я заставлю его выпить?»

Его метания были жалки. В одну секунду он убеждал себя, что это справедливость, что отец сам виноват, что старый, большой дурак, унижавший его прилюдно, заслужил участь. В следующую — перед глазами вставало лицо отца, не властное и холодное, каким он привык

его видеть на советах, а такое, каким он запомнил его в детстве: склонённое над его кроватью, с усталой, но тёплой улыбкой, когда он рассказывал ему сказку о Драконе-Хранителе. Но эти воспоминания были старыми, выцветшими, почти стёртыми годами обид и пренебрежения. Он отмахивался от них, как от назойливых мух. «Он сам выбрал. Он оттолкнул меня. Он заслужил».

И вот, перед самыми дверями в императорские покои, когда Казимир уже протянул руку, чтобы постучать, из бокового коридора вышел слуга. Молодой парень в скромной, но опрятной ливрее, нёсший в руках маленький серебряный поднос, на котором стояли знакомый хрустальный стакан с мутноватой, зеленоватой жидкостью — лекарственной смесью, которую император принимал каждый день, — и маленький кувшин с водой, чтобы запить. Слуга почтительно склонил голову, увидев кронпринца.

— Ваше высочество, — пробормотал он. — Я как раз нёс его величеству...

Казимир замер. На мгновение его мозг, перегруженный страхом и адреналином, отказался работать. А затем на него накатила волна пьянящей, почти истеричной эйфории. Вот оно. Вот он, знак. Сама судьба, сам мироздание, всё складывается как нельзя лучше, как будто невидимая рука ведёт его к триумфу. Как можно сомневаться, когда всё так очевидно? Он — избранный. Он — истинный наследник.

— Передай мне, — сказал он, и его голос, к собственному удивлению, прозвучал ровно и властно. — У меня к отцу личный разговор. Я сам отнесу лекарства.

Слуга, не смея перечить наследному принцу, покорно кивнул, передал поднос и удалился, пятясь и кланяясь. Казимир дождался, пока его шаги стихнут, и остался один в широком, сводчатом коридоре перед массивными дверями императорских покоев. Его руки, державшие поднос, тряслись так, что стакан позвякивал о серебро. Он огляделся по сторонам — никого. Достал из-под камзола бутылёк, зубами вытащил крошечную пробку и, не давая себе времени на раздумья, влил прозрачную жидкость в мутноватое лекарство. Экстракт растворился мгновенно, не оставив ни следа, ни запаха, ни изменения цвета. Всё было именно так, как обещал незнакомец.

Казимир спрятал пустой бутылёк обратно, глубоко вздохнул, толкнул тяжёлую дубовую дверь и вошёл.

Императорская спальня тонула в полумраке, разбавленном лишь слабым светом одинокой масляной лампы на прикроватном столике и тусклыми лучами закатного солнца, пробивавшимися сквозь неплотно задёрнутые шторы. Огромная комната, обитая тёмно-зелёным бархатом и украшенная старинными, потемневшими от времени картинами с изображениями императорских предков, казалась склепом. Воздух был густым от запаха лекарств, воска и того особого, сладковато-гнилостного аромата, который сопутствует долгой, изнурительной болезни. В углу, на треноге, стоял большой, погасший кристаллический светильник — его, видимо, не зажигали уже несколько дней, потому что яркий свет причинял императору боль.

Эдвард I, повелитель Гипериона, сидел в глубоком кресле у окна, закутанный в несколько одеял, несмотря на то, что в комнате было тепло. Его состояние, и без того тяжёлое, с последнего раза, когда Казимир его видел, ухудшилось катастрофически. Кожа, натянутая на костях черепа, была почти прозрачной, с желтовато-серым оттенком. Глаза, глубоко запавшие в орбиты, казались двумя тлеющими углями в черепе — они единственные ещё сохраняли жизнь и ясность. На коленях у него лежала какая-то старая, потрёпанная книга, но он не читал её — просто держал, глядя в окно на ночное небо. Услышав шаги, он медленно, с видимым усилием, повернул голову.

— Казимир, — произнёс он, и его голос был слабым, хриплым, но всё ещё нёс в себе отголоски прежней силы. — Ты? Сам? Не припомню, чтобы ты когда-либо утруждал себя визитами в мои покои, тем более с лекарствами.

Казимир заставил себя улыбнуться. Улыбка вышла кривой, натянутой, как маска, надетая второпях. Он подошёл ближе, стараясь, чтобы поднос в его руках не звенел.

— Отец, — начал он, и сам удивился тому, насколько фальшиво звучит его голос. — Я много думал. Обо всём, что вы сказали. О моих... действиях. Я хочу... я хочу заглазить. Я понял, что вёл себя недопустимо. Я пришёл, чтобы сказать, что сожалею.

Он протянул стакан. Эдвард медленно, очень медленно поднял руку — худую, почти прозрачную, унизанную перстнями, которые теперь болтались на иссохших пальцах — и взял его. Но не стал пить. Вместо этого он опустил взгляд в мутную жидкость и долго, очень долго смотрел в неё, будто пытаясь разглядеть там что-то, видимое только ему.

— Когда ты и твой брат были совсем маленькими, — произнёс он тихо, и Казимир вздрогнул от неожиданности, — я и подумать не мог, что всё обернётся так. Ваша мать... она умерла от неизвестной болезни. Врачи разводили руками. Я остался один с двумя сыновьями и империей, которая требовала каждого моего мгновения. Я погряз в делах. Я думал, что поступаю правильно — обеспечиваю вам будущее, защищаю границы, укрепляю державу. Я совсем не занимался вами. Отдал нянькам, учителям, советникам. Я думал, что любовь императора — это порядок и стабильность, а не колыбельные на ночь. Я ошибался.

Он поднял глаза и посмотрел прямо на Казимира, и в этом взгляде было столько всего — боль, усталость, разочарование, но и странная, горькая любовь, — что Казимир невольно отступил на полшага.

— Ты никогда не умел врать, сын мой, — произнёс Эдвард, и его губы тронула слабая, печальная усмешка. — Даже в детстве, когда ты разбил любимую вазу твоей матери и сказал, что это сделал Людвиг. Ты всегда был слишком прямолинеен, слишком горяч, слишком... несдержан. Империя не прощает таких качеств. Император должен быть холоден. Должен уметь скрывать. Ты не научился. Я не научил тебя.

Он снова опустил взгляд на стакан.

— Я знаю, что в этом стакане. Яд. Я подозревал, что ты способен на многое, но до последнего надеялся, что ошибаюсь. Что ты всё же мой сын, а не просто амбициозный дурак, которого водят на поводке, как комнатную собачонку. Но ты опоздал, Казимир. Даже с убийством ты опоздал.

Казимир замер. Его лицо побелело. Рот приоткрылся, но из него не вылетело ни звука. Весь его тщательно выстроенный план, вся его уверенность в собственной хитрости и неуязвимости рассыпались в прах за одну секунду.

— Даже без твоего яда, — продолжил Эдвард, и его голос стал ещё тише, ещё слабее, — мне оставалось от силы несколько дней. Болезнь зашла слишком далеко. Врачи уже не скрывают. Я дал все необходимые указания, которые требовала империя. Я сделал всё, что смог, чтобы подготовить её к тому, что грядёт. Но я не сделал того, что должен был сделать как отец. Не остановил тебя. Не уберёг.

Он поднёс стакан к губам. Казимир, оцепеневший от ужаса, сделал инстинктивное движение рукой, но замер на полпути, словно его мышцы отказались подчиняться.

— Прощай, сын. Я хотел бы сказать, что прощаю тебя, но это была бы ложь. А я устал от лжи.

И он выпил.

Медленно, нарочито медленно, глядя Казимиру прямо в глаза, он осушил стакан до дна. Затем поставил его на поднос, который всё ещё держал оцепеневший принц, и откинулся на спинку кресла. Прошло несколько секунд, которые показались Казимиру вечностью. Взгляд императора, всё ещё ясный и пронзительный, начал тускнеть. Голова медленно склонилась набок. Пальцы, державшие книгу, расслабились, и она с глухим стуком упала на ковёр. Император Эдвард I, повелитель Гипериона, умер в своих покоях, глядя в глаза своему сыну.

Тишина, наступившая в комнате, была абсолютной, всепоглощающей. Казимир стоял, не в силах пошевелиться, сжимая поднос в побелевших от напряжения пальцах. Прошли минуты — может, две, может, десять, — прежде чем он наконец осознал, что произошло. И тогда на смену оцепенению пришла ярость.

— Ты... — выдохнул он, глядя на безжизненное тело отца. Его голос сорвался на хрип, а затем взвился до крика, полного бессильной, кипящей злобы. — Ты сам во всём виноват! Ты! Ты никогда не видел во мне наследника! Ты всегда предпочитал Людвига, этого подлизу, этого бесхребетного слизняка, который только и умеет, что улыбаться и поддакивать! Ты унижал меня при всех, смешивал с грязью, топтал мою гордость! А я... я гораздо достойней его! Я — истинный наследник! Я должен был взойти на трон, а не гнить в твоей тени!

Он задышался от крика, слёзы бешенства текли по его щекам, но он их не замечал. Он кричал на мертвеца, изливая всё, что копилось годами — всю обиду, всю зависть, всю подавленную ненависть к человеку, который когда-то был его отцом, а стал лишь препятствием на пути к величию.

— Ты думаешь, что победил? — прошипел он, наклонившись к мёртвому лицу. — Что ты, даже умирая, меня переиграл? Нет. Ты просто старый дурак, который не смог понять, что история не ждёт, пока ты допишешь свои мемуары. Империя будет моей. Она станет великой. Она станет такой, какой ты никогда не смог её сделать!

И тут ярость схлынула так же внезапно, как и накатила, оставив после себя ледяной, парализующий страх. Казимир огляделся по сторонам, и его мозг, освободившийся от пелены гнева, внезапно осознал весь ужас его положения. Он стоит в комнате с мёртвым императором. Он только что кричал на весь коридор. Если кто-то войдёт — если кто-то услышит — его схватят, его казнят, его имя станет синонимом позора и проклятия.

Паника захлестнула его с головой, как ледяная вода. Он бросил поднос на пол, не заботясь о том, что стакан разбился вдребезги, и рванулся к двери. Выскочил в коридор — пустой, к счастью, пустой — и почти бегом, спотыкаясь и задыхаясь, помчался в свои покои. Забежал внутрь, захлопнул дверь, запер её на засов, прижался к ней спиной и сполз на пол, тяжело дыша и всё ещё дрожа.

Вот так он и просидел до самого вечера. До ночи. До утра. Никому не открывая, ни с кем не разговаривая, прокручивая в голове снова и снова тот момент — взгляд отца, его слова, его последний глоток. «Даже с убийством ты опоздал».

///

Стук в дверь вырвал его из оцепенения.

Казимир вздрогнул и поднял голову. Комната вокруг него была всё той же — душной, полумрачной, пропахшей воском и страхом. Сколько времени прошло? Час? День? Он не знал. Время перестало иметь значение.

Стук повторился — настойчивый, но почтительный.

— Ваше высочество! — донёсся из-за двери голос слуги, приглушённый, но отчётливый. — Прошу прощения за беспокойство. Скоро начнётся собрание высшей знати. Кронпринцу следует отправиться туда уже сейчас.

Казимир медленно, словно во сне, поднялся с кресла. Ноги были ватными, голова кружилась. Собрание высшей знати. Да, точно. Он слышал о нём. Они будут объявлять о смерти императора. О нём. Об отце. И он, Казимир, должен быть там. Должен стоять перед всеми этими герцогами, графами и баронами и делать вид, что он скорбит. Что он — законный наследник. Что он не убийца.

Он подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрел бледный, осунувшийся человек с лихорадочно горящими глазами и трясущимися руками. Не император. Призрак. Тень.

— Я иду, — произнёс он хрипло, и сам не узнал свой голос.

Отворил дверь и, не глядя на слугу, покачиваясь, направился по коридору. Его шаги эхом отдавались в каменных сводах, и в этом звуке ему слышался тот же самый стук, с которым упала на пол книга мёртвого отца.

...

Дорога до Ривергарда заняла почти целый день, но он пролетел незаметно, поглощённый молчаливой, напряжённой рефлексией, которая охватила каждого в экипаже. Карета, предоставленная королём Мартином, была добротной, но неброской — тёмное, лакированное дерево, без гербов и позолоты, с рессорами, достаточно мягкими для долгого пути, но не настолько, чтобы пассажиры забыли, что они всё ещё беглецы. Внутри пахло старой кожей сидений, пылью дороги и слабым ароматом соли, который, казалось, навечно вьелся в ткань обивки ещё в Талриане.

За окнами проплывал чужой, незнакомый пейзаж. Дорога вилась через пологие, поросшие вереском холмы, которые сменялись густыми перелесками, а затем — снова открытыми, продуваемыми всеми ветрами равнинами. Небо было затянуто серой, однообразной пеленой, сквозь которую изредка пробивались блёклые, словно уставшие, солнечные лучи. Воздух, проникавший в приоткрытое окно, был свежим, почти холодным, но без той морской пронзительности, что осталась позади. Это была другая земля, нейтральная, ничейная, и в этой неприкаянности было что-то тревожное.

Внутри экипажа царил гнетущая, перегруженная мыслями тишина. Фия сидела у окна, закутавшись в тёплый дорожный плащ, который ей одолжила Марта, и смотрела на проплывающий мимо пейзаж невидящим взглядом. Её лицо, всё ещё бледное после потрясения, обретшего форму в кабинете Мартина, было напряжённым, сосредоточенным. Она уже не пыталась изображать дипломатическую невозмутимость. Она думала. И её мысли, судя по тому, как хмурились её брови, были далеко не утешительными.

Винсент сидел напротив неё, вцепившись в портфель, как в последний якорь, связывающий его с реальностью. Его лицо, которое ещё утром обрело некоторое подобие осмысленности, теперь снова потускнело, но не от шока, а от напряжённой, лихорадочной работы мозга. Он беззвучно шевелил губами, прокручивая в голове возможные сценарии, статьи протоколов, прецеденты, и время от времени делал пометки на полях какого-то измятого свитка.

Марта, сидевшая рядом с ним, была, как всегда, тиха и сосредоточенна, но в её молчании сегодня сквозило что-то новое — не просто служебная невозмутимость, а глубокая, личная тревога за всех, кто был в этом экипаже.

Отто устроился в углу, вытянув ноги и закрыв глаза, но Сандор, сидевший напротив, знал, что старик не спит. Дыхание было слишком ровным, а пальцы, лежавшие на колене, время от времени чуть заметно подрагивали — он считывал вибрации дороги, повороты, возможные засады.

Наконец, Фия заговорила, не отрывая взгляда от окна:

— Итак, давайте подведём итоги тому, что мы знаем, прежде чем вверять наши судьбы этому... Гильдмастеру, — она произнесла это слово с лёгким, почти незаметным оттенком брезгливости, как истинная аристократка, вынужденная иметь дело с сомнительными элементами. — Что мы знаем о вольных городах вообще и о Ривергарде в частности? Винсент?

Барон встрепенулся, словно его разбудили.

— Вольные города, — начал он, и в его голосе зазвучали нотки лектора, привыкшего излагать информацию структурированно, — формально не входят в состав ни одного из королевств-сателлитов, включая Талриан, Вестенхольм и Южные Острова. Это своего рода анклав, города-государства, которые образовались на пересечении торговых путей, в местах, куда не дотягивается рука ни одной из корон. Их девять, если считать только крупные. Шесть из них, включая Ривергард, находятся в зоне влияния Гипериона, но не подчиняются ему напрямую. Они платят символическую дань и взамен получают определённую автономию.

— Кто ими управляет? — спросил Сандор, хотя уже частично знал ответ из того, что рассказывал Мартин.

— Неофициально — Гильдмастера, — ответил Винсент. — Это не титул, не дворянское звание. Это... скажем так, статус, заработанный авторитетом, деньгами и влиянием. В каждом из вольных городов есть своя доминирующая гильдия, которая контролирует ключевые отрасли — торговлю, услуги, иногда — подпольные рынки. Во главе такой гильдии стоит Гильдмастер. В Ривергарде, куда мы направляемся, это человек по имени Фрамт. Мартин дал нам письмо к нему и заверил, что Фрамт — его старый знакомый и поможет нам связаться с отцом, а также предоставит временное убежище.

— Временное убежище... — пробормотала Фия. — Звучит так, будто мы просим милостыню.

— Мы и просим, — спокойно заметил Сандор. — Сейчас не время для гордости.

Фия поджала губы, но ничего не ответила. Она знала, что он прав. Истина, которую дочь герцога Блэкторн усвоила за последние дни лучше, чем за всю предыдущую жизнь, заключалась в том, что титулы и богатство ничего не значат, когда за тобой охотятся убийцы, а твой собственный император мёртв и, возможно, убит теми, кто теперь раздаёт приказы от его имени.

Экипаж качнуло на очередном повороте, и за окном показались первые признаки приближающегося города. Сначала это были отдельные домики — небольшие, но добротные, с черепичными крышами и ухоженными садами. Затем — склады, амбары, постоянные дворы, тянувшиеся вдоль дороги. И наконец, когда карета взобралась на пологий холм, перед ними открылся весь Ривергард.

Город раскинулся по обоим берегам широкой, медленной, свинцово-серой реки, от которой и получил своё название. Река была его главной артерией — по ней сновали лодки, баржи, небольшие парусные судёнышки, гружённые товарами. Через реку были перекинута два массивных каменных моста, соединявших северную и южную части города. Архитектура Ривергарда была эклектичной, лишённой единого стиля: здесь соседствовали высокие, островерхие здания из серого камня, напоминавшие талрианские, и приземистые, деревянные постройки, и даже несколько зданий из стекла и стали, явно гиперсионского происхождения. Над всем этим возвышалась центральная башня — не замковая, а скорее административная, квадратная, массивная, увенчанная часами, — символ власти Гильдмастера.

Но что бросалось в глаза больше всего — это движение. Ривергард кипел жизнью, как муравейник. Улицы, даже в этот предвечерний час, были запружены народом: купцы в разноцветных халатах, носильщики с тюками, матросы с речных судов, зазывалы, расхваливающие товары, разносчики с лотками, на которых дымились горячая еда. Повсюду виднелись вывески на разных языках, лавки, предлагавшие всё — от экзотических специй до оружия, от тканей до магических артефактов (в основном поддельных, если судить по ценам). Воздух был густым от запахов: жареного мяса, речной воды, дешёвого пива, пота и сотен других ароматов, сливавшихся в единый, дурманящий коктейль.

— Ривергард, — произнёс Винсент с оттенком неприязни в голосе. — Город, живущий за счёт торговли, оказания самых разнообразных услуг и, как я слышал, имеющий процветающий подпольный чёрный рынок. Здесь можно купить всё. И продать всё. Включая собственную душу, если у вас есть покупатель.

— Звучит как мой тип города, — хмыкнул Отто, впервые за долгое время открывая глаза. — Грязно, шумно, и всем плевать, кто ты такой, пока у тебя есть монета.

Экипаж, миновав городские ворота (где стража, лениво бросив взгляд на талрианские бумаги, махнула рукой — проезжайте), углубился в лабиринт улочек. Мартин дал чёткие указания, куда ехать, и кучер, видимо, знал город лучше, чем можно было предположить. Они миновали торговые кварталы, затем — район попроще, с домами, увитыми плющом, и, наконец, свернули в узкий, тенистый переулок, который, казалось, вёл в никуда.

Карета остановилась перед массивным трёхэтажным зданием. Оно было выкрашено в тёмно-красный, почти бордовый цвет, с чёрными ставнями на окнах и единственной дверью, над которой тускло горел фонарь. Никаких вывесок, никаких указателей. Только тихая, почти неуловимая мелодия, доносившаяся изнутри, и слабый аромат благовоний, смешанный с чем-то мускусным, тяжёлым.

— Это... — начал Винсент, высунувшись из окна, — это что?

— Публичный дом, — коротко ответил Сандор, выбираясь из экипажа и подавая руку Фие.

Барон поперхнулся воздухом. Его лицо, и без того бледное, пошло красными пятнами.

— Публичный... Но как... Почему... Мы не можем...

— Можем, барон, — отрезал Отто, спрыгивая следом с неожиданной для его возраста лёгкостью. — И будем. У нас тут встреча, забыли? С тем самым Гильдмастером. Который, видимо, предпочитает проводить деловые переговоры в окружении шлюх. Я его уважаю уже заочно.

Фия, услышав это, чуть заметно поморщилась, но её лицо осталось каменным. Она приняла руку Сандора, оперлась на неё, вышла из экипажа и оглядела здание с тем же холодным, оценивающим выражением, с каким разглядывала бы новый, неизвестный образец кристалла.

— Если таково место встречи, значит, так тому и быть. Дочь герцога Блэкторн не будет капризничать из-за сомнительной репутации заведения.

— Вот это я понимаю, выдержка, — хмыкнул Отто. — А ты, барон? Или будешь краснеть на пороге до утра?

Винсент что-то пробормотал себе под нос — нечто среднее между «это неслыханно» и «как мы до этого докатились», — но всё же вылез из экипажа, судорожно прижимая портфель к груди. Марта, как всегда, не проронила ни слова, лишь окинула здание быстрым, цепким взглядом и заняла своё место рядом с Фией.

Сандор первым толкнул тяжёлую дверь и вошёл внутрь.

Если снаружи здание выглядело мрачно, то внутри оно поражало контрастом. Холл был небольшим, но обставленным с кричащей, почти вульгарной роскошью: стены, обитые алым бархатом, позолоченные канделябры, ковры с таким густым ворсом, что ноги утопали в них по щиколотку. Воздух, тяжёлый от благовоний и какого-то сладковатого дурмана, был почти осязаем. За стойкой ресепшена, которая больше напоминала будуарный туалетный столик, сидела девушка — неестественно красивая, с безупречно уложенными волосами цвета воронова крыла и алыми, как кровь, губами. Её платье оставляло мало простора для воображения. Она подняла на вошедших взгляд и улыбнулась — наигранно, профессионально, без капли искреннего тепла.

— Добрый вечер, господа и дамы. Желаете...

— Мы здесь для встречи с Фрамтом, — перебил её Сандор, кладя на стойку запечатанное письмо с печатью Мартина. — У нас к нему рекомендация от короля Талриана. Срочное дело.

Улыбка девушки не дрогнула ни на миг. Она скользнула взглядом по письму, затем по Сандору, затем — по остальным, задержавшись на мгновение на Фие с лёгким, едва заметным любопытством, и на Отто, который уже уселся на плюшевый диванчик в углу, закинув ногу на ногу с видом завсегда.

— Рекомендация от короля Мартина? О, это серьёзно, — промурлыкала она, и в её голосе послышалась лёгкая, почти издевательская нотка. — Я сейчас же передам ваши слова.

Она нажала на маленький, скрытый под стойкой звонок. И в этот самый момент Отто, только что сидевший в позе абсолютного, ленивого спокойствия, вдруг подскочил как ужаленный. Его лицо, обычно покрытое маской циничной невозмутимости, исказилось. Глаза расширились, на лбу выступила испарина, и он начал озираться по сторонам с выражением, кото-

рого Сандор никогда раньше не видел на его лице. Это был страх. Не осторожность, не боевая готовность — настоящий, животный, парализующий страх.

— Отто? — начал Сандор, но договорить не успел.

Со всех сторон — из-за бархатных портьер, из боковых дверей, из ниш, которых они даже не заметили при входе, — вышли люди. Много. Дюжина, может, больше. Все были в тёмной, неприметной, но добротной одежде, все вооружены: у кого-то короткие, удобные для ближнего боя мечи, у кого-то — пистолы, у одного — даже армейский кристаллический жезл, тускло мерцавший синим. Они окружили группу плотным кольцом, перекрыв все пути к отступлению, и тот, кто стоял ближе всех — высокий, с грубым шрамом через всю левую щёку, — сделал шаг вперёд.

— Спокойно, — произнёс он, и его голос был лишён каких-либо эмоций, как у человека, который выполняет рутинную работу. — У вас есть два варианта. Либо вы все сейчас пройдёте туда, куда вам скажут, добровольно. Либо вас отведут силой. Выбор за вами.

Сандор инстинктивно перехватил копьё. В голове мгновенно пронеслись десятки вариантов действий: можно было попытаться прорваться, использовать узость холла, прикрыть Фию... Но один взгляд на расстановку охраны, на то, как они держат оружие, на их профессиональную, спокойную готовность, — и он понял: шансов нет. Стоит ему дёрнуться — и Фия, Винсент, Марта окажутся под перекрёстной атакой. Они погибнут в первую же секунду.

И ещё кое-что поразило его до глубины души. Отто. Старик, который в одиночку стёр в пыль Дариуса Фламмена, который мог двигаться быстрее, чем видел глаз, и чувствовал опасность раньше, чем она появлялась, — он стоял, прижавшись спиной к стене, и его руки тряслись. Он смотрел на Сандора, и в его взгляде было что-то совершенно чуждое его натуре — беспомощность. И страх. Не перед этими людьми с мечами и пистолками. Перед чем-то другим. Чем-то, что он почуял, но не мог объяснить.

— Я... — прохрипел Отто, и его голос сорвался. — Я не могу. Сандор... я не могу помочь. Это... это не...

Он не договорил. Его лицо побледнело ещё сильнее, и он, ссутулившись, схватился за грудь, словно ему не хватало воздуха. Сандора обдало ледяной волной ужаса. Если Отто, Третья Коса Смерти, тот, кто уничтожил Дариуса одним касанием, сейчас беспомощен, — значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Что-то, чего он не мог понять.

Сандор медленно, очень медленно опустил копьё. Сжал зубы так, что челюсти заныли, и кивнул человеку со шрамом.

— Мы пойдём добровольно.

Охранник холодно усмехнулся и жестом приказал двигаться вперёд. Кольцо вооружённых людей сомкнулось вокруг них, оставляя лишь узкий проход вглубь здания — в коридор, устланный всё тем же алым ковром и освещённый тусклыми, дрожащими огнями свечей.

Их повели мимо закрытых дверей, из-за которых доносились приглушённые звуки — смех, музыка, чьи-то стоны и вздохи, — но всё это казалось нереальным, далёким, как фоновый шум кошмара. Сандор шёл впереди, стараясь держаться между охраной и Фией. Его спина, всё ещё ноющая после ожога, была напряжена до предела. В голове крутилась одна и та же мысль: «Что, во имя всего сущего, могло так напугать Отто?»

Старик плёлся позади, всё ещё бледный, всё ещё тяжело дыша, но его взгляд, когда Сандор обернулся, был уже не паническим, а скорее затравленным, оценивающим, как будто он пытался найти источник невидимой угрозы, но не мог.

Наконец, они остановились перед самой дальней дверью в конце коридора. Охранник со шрамом трижды стукнул — с чёткими, размеренными паузами, — и изнутри донёсся голос.

Он был высоким, почти визгливым, с неприятными, скрежещущими нотками, и вместе с тем — абсолютно спокойным, уверенным, как голос человека, который давно варится во всем что происходит в этом городе.

— Ведите их сюда.

Дверь распахнулась, и охранники жеста́ми приказали им войти.

Глава 24 Развлечения для мужчин.

Тяжёлая дверь, обитая всё тем же алым бархатом, что и весь этот проклятый бордель, с глухим, утробным стоном отворилась, впуская их внутрь. Комната, открывшаяся за ней, разительно отличалась от того, что можно было ожидать от будуара или гостиной заведения подобного рода. Это было рабочее помещение — простое, функциональное, лишённое даже намёка на ту кричащую роскошь, что царил в холле. Высокий потолок терялся в тенях, которые не могли разогнать две масляные лампы на стенах да одинокая свеча на массивном письменном столе. Стол этот, из тёмного, исцарапанного временем дуба, занимал почти треть пространства, и его столешница была завалена гроссбухами, свёрнутыми в рулоны картами, рассыпанными монетами и парой пустых бутылок из-под чего-то крепкого. Вдоль стен громоздились запёртые шкафы и пара сундуков с коваными углами. Единственное окно, узкое и зарешечённое, выходило, судя по тусклому свету, в глухой внутренний двор. Воздух был спёртым, пропитанным запахом чернил, старого пергамента, дешёвого табака и всё того же вездесущего мускуса, просачивавшегося, казалось, сквозь стены.

У дверей, по обе стороны от входа, застыли ещё двое охранников — эти выглядели посерьёзнее тех, что были в холле. Не просто вышибалы при борделе, а, судя по собранным позам и холодным, ничего не выражающим взглядам, люди, привыкшие к мокрой работе. Один держал в руках короткий, хищного вида арбалет, у второго на поясе висел длинный, явно не церемониальный кинжал с костяной рукоятью.

За столом сидел человек.

Он был низкого роста, почти коротышкой, но этот недостаток компенсировался той особой, агрессивной харизмой, которая заставляла забыть о физических изъянах. Одет он был в бархатный камзол насыщенного тёмно-фиолетового цвета, с широкими лацканами, расшитыми серебряной нитью — вещь дорогая, но сидевшая на нём мешковато, как на том, кто привык покупать дорогую одежду, но не привык носить её с изяществом. У него было выраженное, выпиравшее из-под камзола пузо, намечающийся второй подбородок и короткие, саленые волосы, зачёсанные вперёд в тщетной попытке скрыть залысины. Лицо его, круглое и грубое, украшала широкая, неприятная улыбка, обнажавшая заметную щель между передними зубами.

Но самым ярким его отличием была левая рука. Вернее, то, что от неё осталось. Вместо кисти из манжета камзола выступал сложный, искусно сделанный механический протез — набор стальных крючьев, зажимов и шарниров, поблёскивавших в свете свечи. Протез этот не был примитивной заменой. Он был инструментом и, судя по тому, как хозяин время от времени постукивал им по столу, источником своеобразного, нервного ритма.

Рядом со столом, у окна, стоял мальчишка лет десяти, не больше. Он был одет в простую, но чистую рубаху и короткие штаны, и всё его внимание было поглощено чем-то за окном — он смотрел в темноту, не оборачиваясь на вошедших, словно всё происходящее в комнате его абсолютно не касалось. В руке он держал маленькую деревянную лошадку, и его пальцы рассеянно гладили её по гриве.

Человек за столом поднял голову, и его щербатая улыбка стала ещё шире.

— Ну-с, — произнёс он, и его голос оказался именно таким, каким они его слышали из-за двери — высоким, почти визгливым, с неприятными, скрежещущими нотками, но в то же время полным спокойной, непоколебимой уверенности. — Вот вы и пришли. Добро пожаловать в моё скромное обиталище. Позвольте представиться. Я — Билли. Билли Однорукий, как меня ласково зовут за глаза и в глаза те, кому хватает духу. Рад знакомству.

Сандор окинул его быстрым, оценивающим взглядом. Он видел много типов за свою службу: грубых офицеров, напыщённых аристократов, отчаянных бунтовщиков, безжалостных

бандитов. Билли не относился ни к одной из этих категорий. Он был чем-то иным — каким-то противоестественным гибридом уличного пахана и дельца, и эта смесь была опаснее любой однозначности.

— Фрамт, — коротко произнёс Сандор. — Мы ищем Фрамта. У нас к нему письмо от короля Мартина.

Улыбка Билли не дрогнула, но что-то в его глазах изменилось — мелькнула тень, холодная и быстрая, как стальной крюк его протеза.

— Ах, Фрамт. Бедолага Фрамт. Боюсь, с этим товарищем вы уже никак не встретитесь. По крайней мере, не в этом мире. Фрамт, да будет земля ему пухом, отдал концы с неделю назад. Несчастный случай. Ужасно скользкая лестница в его особняке. Просто трагично. И вот, — Билли картинно развёл руками, и его протез издал металлический шелчок, — бремя надзора за Ривергардом, за всеми его гильдиями, его торговлей, его услугами, — включая это заведение, — легло на мои хрупкие плечи. Так что теперь все вопросы, которые были к покойному, автоматически становятся вопросами ко мне.

Сандор сжал челюсти, стараясь не выдать ни удивления, ни досады. Он покосился на Отто — тот по-прежнему был неестественно бледен и молчалив, его взгляд блуждал по комнате, но не фокусировался ни на ком конкретно.

— Похоже, и здесь произошли ракировки держателей власти, — сухо заметил Сандор, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти незаметная издёвка. — Мы, кажется, входим в моду.

Билли одарил его дырявой улыбкой и хлопнул протезом по столу — звук получился резкий, дребезжащий.

— Именно так, дружище! Вы попали в самую точку. Ракировки. Хорошее слово. Грамотное. Видно, что не простой работяга. Мне это нравится. И раз уж вы так проницательны, позвольте мне сразу ввести вас в курс дела, чтобы между нами не было недопонимания. Я ведь человек прямой, не люблю эти ваши дворянские экивоки.

Он подался вперёд, опершись обоими локтями — и из плоти, и из стали — о столешницу.

— Знаете ли вы, господа и дамы, одно из главных правил рынка? Самое фундаментальное, базовое, то, на котором держится вообще вся торговля от Креатоса до Заратраса?

Винсент, который всё это время стоял, вцепившись в портфель и нервно озираясь на охранников, наконец нашёл в себе силы подать голос. В его тоне проскользнуло привычное, профессорское негодование — оскорблённое достоинство эксперта, которому задают вопрос ниже его уровня.

— Разумеется, знаю, — ответил он, и его голос чуть дрожал. — «Клиент всегда прав». Это азы коммерции и делового этикета.

На мгновение в комнате повисла тишина. А затем Билли расхохотался.

Это был какой-то звенящий, противный, высокий гогот, похожий на скрежет несмазанной двери, который разнёсся по всей комнате и отразился от голых стен. Билли хохотал, откинувшись на спинку кресла, колотя протезом по столу так, что на нём подпрыгивали монеты и пустые бутылки. Мальчишка у окна, впервые отреагировав на происходящее, чуть повернул голову, но тут же вернулся к созерцанию темноты. Охранники у дверей даже не шелохнулись.

Наконец, отсмеявшись и вытерев выступившие слёзы тыльной стороной живой руки, Билли выпрямился и посмотрел прямо на Винсента. Его глаза всё ещё слезились от смеха, но взгляд был острым, как бритва.

— «Клиент всегда прав», — передразнил он, всё ещё посмеиваясь. — Ну надо же. Слышал, парни? «Клиент всегда прав»! — он оглянулся на охранников, которые ответили ему предсказуемыми ухмылками. — Ты, я смотрю, не просто смазливая мордашка, а ещё и придворный дурачок. Ценю. Давно так не веселился.

Он подался вперёд и, понизив голос до конспиративного полушёпота, произнёс, глядя Винсенту прямо в глаза:

— Настоящее правило рынка, идиот ты наш, звучит так: «Спрос рождает предложение». Запомни это. Выжги на своём дипломатическом лбу. Чтоб продать что угодно — оружие, наркотики, информацию, людей, да хоть собственную мать, — нужно узнать, что человеку нужно больше всего. Заполучить это. Потрясти перед носом нуждающегося. И назвать цену. Тот, кто нуждается по-настоящему, заплатит любую цену. Даже абсурдную. Даже ту, которая его разорит, уничтожит, сожрёт. Потому что спрос. Потому что нужда. Потому что у него нет выбора.

Он откинулся назад и, сложив руки на пузе, обвёл взглядом всю группу — Фию, бледную, но сохранявшую гордую осанку, Марту, прижавшуюся к ней, Винсента, чьё лицо стало пунцовым от смеси страха и унижения, Отто, стоявшего в стороне с отстранённым, пустым выражением, и, наконец, Сандора, который смотрел на него с холодным, непроницаемым спокойствием.

— А теперь, — продолжил Билли, и его голос утратил игривые нотки, став жёстче и суше, — давайте подумаем. Кто вы такие и что вы такое? Аристократы, прибывшие в вольный город. На экипаже без гербов. В сопроводительных бумагах — ложь. Вы ищете Гильдмастера. У вас письмо от короля-сателлита, который сам по себе ничего не решает без оглядки на Гиперион. И вы явно нервничаете. Вывод? Вы либо в бегах, либо государственные преступники, либо ищете здесь запрещёнку, которую в Гиперионе не достать. Возможно, всё сразу.

Фия сделала шаг вперёд, её глаза вспыхнули.

— Мы — члены имперской дипломатической миссии, — произнесла она, и её голос зазвенел от сдерживаемого гнева. — Наше положение...

— Ваше положение, — резко перебил её Билли, и его улыбка исчезла, сменившись холодной, жёсткой гримасой, — вон там, у дверей, с кинжалами и арбалетами. Не стройте из себя горделивую курицу, леди. Здесь вам не тронный зал. Здесь Ривергард. Мой город. И я в нём — единственный закон.

Он по очереди указал пальцем на каждого из мужчин.

— Твой телохранитель, — он ткнул в Сандора, — выглядит внушительно. Спору нет. Видно, что парень бывалый, и копьё у него красивое. Но вот этот старик, — он перевёл палец на Отто, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на опасливый интерес, — какой-то сдувшийся, нервный, хотя и смотрит странно. А этот хорёк с портфелем, — он кивнул на Винсента, — только и умеет, что дрожать да умничать. Что касается вас дамы — вы уже в плену. Стоит твоему головорезу дёрнуться хоть на дюйм, и вас порежут. Быстро и без колебаний. У моих ребят на это уйдёт две секунды. У него — даже на взмах копья уйдёт больше.

Сандор стоял неподвижно. Каждое слово Билли было ударом под дых, но он не мог отрицать: ситуация была дерьмовой. Охранники держали Фию и Марту на расстоянии вытянутой руки. Арбалет был взведён и нацелен. Отто, по-прежнему непонятно чем выбитый из колеи, выглядел как бесполезный мешок с костями. Винсент не стоил в бою и ломаного гроша. А он, Сандор, был один против как минимум четверых, и копьё в такой тесноте не давало решающего преимущества. Даже если бы он успел...

— Итак, — подытожил Билли, и его щербатая улыбка вернулась, — условия будет диктовать Билли Однорукий. Или, если вам это не нравится, мы можем окончить ваши страдания прямо сейчас. Труп вас всё равно ничего не спросит, а бумаги и письма я прочитаю и без вашего участия. Выбор за вами.

В комнате повисла тяжёлая, вязкая тишина. Сандор видел, как Фия судорожно стиснула зубы, пытаясь сохранить лицо. Марта побелела, но её глаза были полны решимости — она была готова ко всему. Винсент мелко трясся, облизывая пересохшие губы. Отто... Отто по-прежнему был где-то далеко, погружённый в себя.

Сандор глубоко вздохнул. В его груди клокотала ярость — холодная, знакомая, та самая, что вела его в бой против Дариуса. Но сейчас ярость была плохим советчиком. Сейчас нужно было думать. Играть по-чужому. Тянуть время.

— Чего ты хочешь? — спросил он, и его голос прозвучал ровно, почти равнодушно.

Билли снова хлопнул протезом по столу, но на этот раз удар был короче, суше — жест удовлетворения.

— Вот это умный разговор. Вот это я понимаю — деловой подход. Не «мы — имперские послы, вы не посмеете», а «чего ты хочешь». Ты мне нравишься, парень. Ладно, слушай сюда.

Он поднялся из-за стола. Его рост был настолько невысок, что даже стоя он едва возвышался над сидящими, но это странным образом не делало его менее угрожающим.

— Сначала я проверю, чего вы стоите. Устрою вам что-то вроде тестового задания. У меня есть должок, который нужно стряхнуть с одного упёртого мудака. Хозяин большого бара на другом конце города — «Оазис» называется — задолжал мне кругленькую сумму. И не только денег. Он должен мне уважение. Так вот, вы пойдёте туда — ты, — он указал на Сандора, — твой нервный старик и этот хорёк, — палец указал на Винсента, — и вытрясете из него долг. Если вы управитесь и вернётесь живыми — тогда разговор пойдёт дальше.

Он подошёл ближе к Сандоре, почти вплотную, и его голос упал до свистящего шёпота.

— А пока вы будете бегать по моим поручениям, ваши дамы побудут здесь. В качестве гарантий. В качестве залога, если угодно. С ними будут обращаться вежливо... до тех пор, пока вы не дадите повода для обратного. Если вы не вернётесь — ну, что ж, я поузную по своим каналам, от кого вы так старательно бежите, и передам им девушек за вознаграждение. А если те начнут брыкаться... — он бросил быстрый взгляд на Фию, и его губы растянулись в отвратительной, сальной ухмылке, — ...поработают шлюхами в одном из моих заведений, пока я буду искать заинтересованных в их местоположении. Здесь это быстро. Клиенты найдутся.

— Вы не посмеете! — вырвалось у Фии. Её щёки залила краска стыда и ярости, руки сжались в кулаки. — Я дочь герцога Блэкторна! Я...

— Герцог Блэкторн далеко, — оборвал её Билли, даже не глядя в её сторону. — А ты здесь. В моём городе. В моём заведении. Окружена моими людьми. Запомни это хорошенько, цыпа. Твои титулы здесь не стоят ничего.

Сандор сделал полшага вперёд, заслоняя собой Фию. Его лицо было бесстрастным, но внутри всё кипело.

— Какие гарантии, что с ними ничего не случится, пока нас не будет?

Билли закатил глаза к потолку, словно его спросили о чём-то бесконечно глупом, а затем мерзко захихикал. Он поднял левую руку — ту, что заканчивалась протезом, — и многозначительно пошевелил стальными крючьями.

— Гарантии? Гарантии! Ха! Ты просишь гарантий у Однорукого? О, это просто праздник. Ну что ж. Я дам тебе гарантию. Ручаюсь, — он сделал паузу и с наслаждением произнёс старую, затасканную шутку, явно смакуя её, — руку даю на отсечение. Вот эту самую. — Он постучал протезом по столу. — С их головы и волос не упадёт. Если, конечно, вы вернётесь и не выкинете какой-нибудь глупости.

Фия взглянула на Сандора. В её глазах бушевал гнев, но она не произнесла ни слова. Она понимала — сейчас не время для гордости. Сейчас время для выживания. Марта, стоявшая рядом с ней, сжала её локоть — молчаливый жест поддержки.

— Название бара, — коротко сказал Сандор. — Где он.

— «Оазис», — охотно ответил Билли. — У восточных складов, у самой реки. Большое такое здание, с облупившейся краской и вывеской в виде русалки, сжимающей в руках якорь и бутылку. Не ошибётесь. Передайте хозяину — его зовут Декстер, — что Билли Однорукий больше не ждёт. И ещё одно. Твоё копье, — он указал на оружие Сандора, — оставь здесь. Уж больно ярко оно блестит. Привлекает внимание. А вам сейчас внимание ни к чему. Иди належке. Ты, я так понимаю, и без железки кое-что можешь.

Сандор стиснул зубы. Оставить копье было всё равно что оставить часть самого себя. Это оружие прошло с ним через ад, и его кристалл, мерцавший в полумраке, был не просто техно-

логией — он был окаменевшей плотью дракона, и связь с ним была глубже, чем ему хотелось признавать. Но он понимал логику Билли. Копьё бросалось в глаза. Оно было слишком заметным. Оно кричало «я вооружён до зубов, и у меня есть дорогой артефакт».

Он медленно, очень медленно, прислонил копьё к стене у двери. Кристалл на миг ярко вспыхнул и снова погас, словно выражая безмолвный протест.

— Я скоро вернусь за ним, — произнёс он, глядя в глаза Билли. — И за ними.

— О, я на это надеюсь, — просиял Билли. — Искренне надеюсь. Теперь идите. Вам лучше поторопиться. Декстер не любит, когда к нему приходят после заката. Вернее, не любит, когда приходят за долгами. А ночью в тех районах и вовсе опасно.

Он махнул охранникам, и те расступились, освобождая проход к двери.

Сандор повернулся к Фие. Взгляды их встретились.

— Ждите нас, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я обещаю, что вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Она ничего не ответила — лишь едва заметно кивнула, и в этом кивке было больше доверия, чем в сотне слов. Марта, стоявшая рядом, тоже кивнула, и в её глазах не было ни паники, ни мольбы — лишь спокойная, крестьянская уверенность в том, что она справится, что бы ни случилось.

— Трогательная сцена, — прокомментировал Билли, зевая. — У меня слёзы наворачиваются. Всё, валите.

Сандор, Отто и Винсент, подталкиваемые охранниками, двинулись к выходу. Когда они проходили мимо стойки ресепшена, Сандор заметил, что девушка, встречавшая их, как ни в чём не бывало поправляла макияж, и на её лице играла всё та же наигранная, профессиональная улыбка. Мир этого борделя жил по своим законам, и насилие здесь было лишь повседневностью.

Они вышли на улицу. Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, и после сладковатого дурмана борделя он показался почти чистым, почти живительным. Винсент, оказавшись снаружи, сделал несколько судорожных вдохов и чуть не прислонился к стене.

— Боже мой... — выдохнул он. — Боже мой...

— Не боже, — обрезал Сандор. — Не сейчас. Сначала дело.

Город встретил их шумом, чуждым и равнодушным. Дневная суэта, которую они застали по прибытии, схлынула, сменившись иной, ночной жизнью. Улицы, освещённые редкими масляными фонарями, были заполнены людьми иного сорта: пьяные матросы, горланившие песни, девицы лёгкого поведения на углах, подозрительные личности в тёмных плащах, шнырявшие из переулка в переулок, и вездесущие торговцы, зажигающие свечи в своих лотках, чтобы привлечь запоздалых покупателей. Где-то гремела музыка, где-то раздавались крики, и всё это сливалось в единый, хаотичный гул, в котором растворялись отдельные голоса и шаги.

Ривергард был огромен — гораздо больше, чем можно было предположить, глядя на него из окна экипажа. Он тянулся вдоль реки на мили, и его восточные доки, куда им предстояло добраться, находились на противоположном конце города, в районе, где респектабельность уступала место грубой, промышленной функциональности.

Они шли быстрым шагом, лавируя между прохожих, и первые несколько минут прошли в полном молчании. Винсент плёлся позади, всё ещё бормоча что-то себе под нос и нервно озираясь. Сандор шёл впереди, прокладывая путь и пытаясь выстроить в голове хоть какой-то план. Но все его мысли занимала не столько предстоящая драка, сколько Отто. Старик так и не пришёл в норму. Он шёл молча, ссутулившись, и его лицо было бледным, а взгляд — затравленным.

Они отошли от борделя примерно на квартал, когда Отто внезапно остановился у тёмной витрины закрытой лавки и, опершись спиной о стену, поднял глаза на Сандора. В его взгляде больше не было того животного страха, что парализовал его в холле борделя. Теперь это был

взгляд человека, принявшего некое внутреннее решение, — мрачный, трезвый, наполненный ледяной ясностью.

— Сержантик, — произнёс он, и его голос снова обрёл привычную хрипотцу, — можешь думать обо мне что угодно. Что я ссыкло. Что я старый параноик. Что я сдал. Можешь даже больше не считать меня за того, кем я был. Но дело вот в чём. Ты сейчас, наверное, думаешь: какого хера этот хваленый Третья Коса Смерти, уничтоживший Дариуса одним мизинцем, не разнёс тот бордель в щепки вместе с Одноруким гадом и всей его кодлой?

Сандор молчал, ожидая продолжения.

— А я тебе скажу, какого хера, — Отто заговорил тише, почти шёпотом, и в его тоне не было обычной издёвки. Была серьёзность, какой Сандор не слышал от него даже после боя с Дариусом. — Потому что если бы я это сделал — если бы я проявил магию хоть на грамм, — нам всем сразу пришёл бы пиздец. Понимаешь? Не просто неприятности. Конец. Пиздец. Все трупы.

Он сделал паузу, и его глаза сузились.

— Я всё это время его чувствовал. С того самого момента, как мы вошли в город. Я сначала думал — мерещится. Драконья кровь с годами начинает шутить шутки. Но когда мы зашли в тот бордель... сомнений не осталось. В Ривергарде маг, Сандор. Не мелкий фокусник. Не ренегат-одиночка вроде Дариуса. Кто-то... огромный.

— Маг? — переспросил Сандор. — Как...

— Слушай, — перебил его Отто. — Я объясню, как это работает. Обычных магов я чувствую как точки вдаль. Маленькие такие искорки, светлячки. Таких, как Дариус — сильных, но всё ещё в пределах человеческого понимания, — я ощущал как небольшое пятнышко. Огонек. Чёткий, заметный, но не пугающий. С того момента, как мы зашли в Ривергард... я чувствую огромный, ревуший, костер. Он где-то здесь, в городе. И по уровню силы это... это очень близко к Косам Смерти. Понимаешь, о чём я? Кто-то с силой, сравнимой со мной.

Последние слова он произнёс почти беззвучно, и имя Первой Косы повисло в воздухе, как проклятие.

— Такой маг — не ренегат, — продолжил он. — Ренегатов такого уровня не бывает. И он точно не к шлюхам сюда приехал. Скорее всего, он здесь по душу кого-то очень конкретного. Может быть, меня. Может, кого-то другого. Но если мы пересечёмся и мне придётся драться с ним в полную силу... От Ривергарда не останется ничего. Буквально. Драконье Пламя против того, что есть у него... Этот город превратится в выжженную воронку.

Сандор переваривал услышанное. Его мозг, привыкший к солдатской прямоте, с трудом вмещал такие масштабы. Но он видел Отто в деле. Видел, как тот играючи стёр Дариуса Фламмена с лица земли. И если Отто говорил, что есть некто, с кем бой будет равным... значит, угроза была реальна и чудовищна.

— Я не знаю, — продолжал Отто, — ищет ли он именно меня. Может, наши пути вообще не пересекутся. Но пока мы в городе, я не могу использовать магию. Вообще. Даже самую малость. Каждое применение — это вспышка, которую он засечёт мгновенно. И, если честно, я пока не готов к такому бою. Не сейчас. Не здесь. Не с вами на хвосте.

Он замолчал, и когда заговорил снова, в его голосе послышалась несвойственная ему нерешительность.

— Я вот что хочу сказать, Сандор. Если потребуется... если дело запахнет жареным... Я могу покинуть вашу группу. Прямо сейчас могу. Уйти в тень, раствориться в городе, отвести от вас угрозу. Без меня вы — просто беглые аристократы с телохранилем. Никакого интереса для магов. Складная легенда. А я сам как-нибудь...

— Нет, — отрезал Сандор, не давая ему закончить.

Отто удивлённо поднял бровь:

— Чего «нет»?

— Бросить тебя — не выход, — сказал Сандор, и его голос прозвучал спокойно, но с той окончательностью, которая не оставляла пространства для возражений. — Мы не знаем наверняка, ищет ли тот маг тебя или кого-то ещё. Мы не знаем его целей. Но что мы знаем точно — без тебя наша группа ещё более незащищена, чем сейчас. Я — боец, но против магии у меня только копье и удача. Винсент вообще не боец. Фия и Марта — тем более. Ты — наш единственный реальный шанс на выживание, если случится что-то серьёзное. Кроме того...

Он на мгновение замялся, подбирая слова, а затем его губы тронула слабая, почти незаметная усмешка.

— Кроме того, я буду скучать по твоему храпу. К нему привыкаешь, как к плохой погоде.

Отто долго смотрел на него. В его глазах, обычно холодных и циничных, промелькнуло что-то сложное — может быть, удивление, может, благодарность, а может, и тень той самой глупости, которую он когда-то назвал «ахерительной», но которая заставила его вернуться и спасти Сандора в лесу.

— Ты беспросветный дебил, сержантик, — наконец произнёс он хрипло. — Но, мать твою, я это ценю. Ладно, будь по-твоему. Идём выбивать долги для Однорукого ублюдка.

И тут в разговор вмешался третий голос — высокий, срывающийся, полный паники и возмущения:

— Вы оба сумасшедшие! — выкрикнул Винсент, который, оказывается, всё это время стоял рядом и слушал. Его лицо было искажено гримасой негодования, а портфель он прижимал к груди так, словно в нём был последний бастион здравого смысла. — Я — аристократ! Я — дипломат! Я — барон Лорен, в конце концов! Моя функция — правовая поддержка, анализ текстов, консультации по дипломатическим моментам, а не... не разборки в портовых кабаках со всяким отребьем! Меня никто не готовил к этому! Я не умею драться! Я...

Сандор повернулся к нему. Его взгляд был тяжёлым, но не злым — скорее, усталым.

— Винсент. Хватит.

Барон осёкся на полуслове.

— Послушай меня, — медленно, разделяя слова, проговорил Сандор. — Сейчас — здесь и сейчас — твои знания протоколов и статей имперского права не стоят ни гроша. Ни гроша. Фия и Марта в руках у бандита, который ясно дал понять, что сделает с ними, если мы провалимся. Ты можешь остаться здесь и ныть. Это твой выбор. Но если ты хочешь помочь им — если ты хоть что-то ещё чувствуешь по отношению к Фие, которая тебе доверяла, — ты возьмёшь яйца в кулак и пойдёшь с нами. Драться. Да, ты не умеешь. Да, тебе страшно. Всем страшно. Но если ты сейчас не перестанешь ныть, то можешь валить на все четыре стороны. Потому что правовой эксперт, который не может сделать ничего, кроме как причитать, — это последнее, что нам нужно, чтобы вытащить их оттуда. Ты понял?

Винсент открыл рот, чтобы что-то возразить — привычное «это неслыханно» или «вы не понимаете» — но замер. Что-то в лице Сандора, в его спокойной, усталой решимости, заставило барона проглотить готовую вырваться тираду. Он судорожно слотнул, его плечи опустились, а затем он просто закусил губу и молча кивнул. Его лицо всё ещё было бледным, а руки дрожали, но он больше не спорил.

— Вот и славно, — сквозь зубы процедил Отто. — А теперь давайте уже доберёмся до этого сраного бара, пока я от всех этих разговоров не захотел нажраться ещё сильнее, чем хотел до этого.

И они двинулись дальше, через Ривергард, навстречу неизвестности и драке, которой ещё предстояло доказать — или опровергнуть — их право на выживание.

...

Путь до восточных складов занял несколько часов. Город, казалось, не кончался, петляя улочками, переулками, мостами и площадями, и чем дальше они удалялись от центра, тем мрачнее и беднее становились кварталы. Исчезли вывески дорогих лавок. Вместо них появи-

лись ржавые ставни, облупившаяся краска, тёмные подворотни, из которых несло мочой и гниющей рыбой. Фонарей здесь почти не было, и тьма сгустилась до осязаемой, вязкой субстанции, которую лишь изредка прорезал свет из редких окон да тусклые масляные лампы над дверями портовых забегаловок.

«Оазис» они нашли без труда. Даже в этом районе, полном убогих кабаков, он выделялся своей вызывающей, почти демонстративной мрачностью. Это было большое, трёхэтажное здание из потемневшего от времени кирпича, чьи углы были усилены ржавыми металлическими балками. Над массивной дубовой дверью, исцарапанной и покрытой тёмными пятнами, происхождение которых не хотелось угадывать, висела вывеска. На ней, когда-то яркими красками, а теперь выцветшими и облупившимися, была изображена русалка в соблазнительной позе, сжимавшая в одной руке якорь, а в другой — бутылку рома. Её лицо, когда-то, вероятно, миловидное, было искажено временем и непогодой в похотливую, злую гримасу. Под ней, грубо намалёванными белой краской буквами, было выведено: «ОАЗИС».

Изнутри доносился шум — гул голосов, бряцание кружек, чей-то хриплый смех и монотонное пиликанье фальшивившего скрипача. Пахло дешёвым пивом, кислым вином, потом и далёкой, но безошибочно узнаваемой ноткой речной гнили, заносимой сюда ветром с доков.

Сандор остановил группу метрах в двадцати от входа, у ржавой водосточной трубы, и, понизив голос, заговорил:

— Так. Слушайте оба. Мы здесь никого не знаем. Мы — «туристы», как сказал бы Билли, и для местных мы просто чужаки, которые пришли требовать чужие долги. Драка будет точно. Может, даже серьёзная. Отто, что по магам?

Старик прикрыл глаза на несколько секунд и глубоко вздохнул, словно приносиваясь. Затем открыл глаза и мотнул головой:

— Чисто. Ни одной искры. Тот, кого я чуял... он либо вообще не в городе, либо прячется так глубоко, что даже я не достаю. Это плохо. Но для нашего дела — хорошо. Значит, магией здесь и не пахнет. Только кулаками, дубинами и, может, парой ножей.

— Уже легче, — хмыкнул Сандор. — Тогда план такой. Заходим. Я спрашиваю хозяина. Отто стоит справа, прикрывает мне фланг. Винсент — держись позади и не высовывайся, пока не начнётся заваруха. Если начнётся — бей чем попало, целься в мягкое, не геройствуй. И главное — держись рядом с нами. Уяснил?

— Уяснил, — выдавил Винсент, и его голос дрогнул лишь чуть-чуть. Прогресс.

— Ну, чего же мы ждем, — буркнул Отто, и в его глазах впервые за вечер зажглись знакомые, опасные искорки. — Что-то я засиделся без дела.

Они толкнули дверь и вошли.

Внутри «Оазис» оказался именно таким, каким его можно было представить по фасаду: большим, шумным, грязным и полным людей, каждый из которых выглядел так, будто для него убийство было не событием, а рутинной. Помещение было просторным, с низким, закопчённым потолком, подпертым толстыми деревянными балками, на которых висели заплесневевшие флаги, ржавые якоря и обрывки рыболовных сетей, призванные создавать «морскую атмосферу». Вдоль стен тянулись грубо сколоченные столы, за каждым из которых сидела шумная, разномастная компания: матросы в полосатых тельняшках, докеры с чёрными от грязи руками, подозрительные типы в кожаных куртках, несколько девиц с вызывающе ярким макияжем и пара одиноких, молчаливых фигур, закутанных в плащи, чьи лица скрывались в тенях капюшонов.

В центре зала, на небольшом возвышении, пиликал скрипач — сухонький старик с закатанными глазами, который играл не столько музыку, сколько шум, и никому до него не было дела. Главный же шум создавали сами посетители: кто-то горланил песню, кто-то спорил, кто-то стучал кружкой по столу, требуя добавки, и всё это сливалось в единый, оглушающий гул. В

дальнем конце зала виднелась длинная барная стойка из тёмного, липкого от пролитого пива дерева, за которой возвышался бармен — огромный, лысый, с пудовыми кулаками.

Игнорируя любопытные, оценивающие взгляды, которые начинали обращаться в их сторону, Сандор решительно направился к стойке, пробравшись сквозь толпу. Отто следовал за ним, почти вплотную, а Винсент, сжимавший портфель, как щит, плёлся позади, нервно озираясь.

Сандор остановился у стойки и, перекрывая шум, громко и чётко произнёс:

— Кто здесь хозяин?

Бармен, огромный лысый детина с лицом, изуродованным старым ожогом и парой ножевых шрамов, медленно поднял взгляд от кружки, которую он протирал. Его маленькие, глубоко посаженные глазки смотрели на Сандора с ленивым, пренебрежительным любопытством. Он вопросительно поднял бровь — густую, кустистую.

— Мы пришли, — продолжил Сандор, повышая голос так, чтобы его слышал весь зал, — забрать долг, который хозяин этой дыры должен Билли Однорукому.

На мгновение в зале стало тихо, насколько это вообще было возможно. Скрипач сфальшивил и замолк. Дюжина пар глаз устремилась на троицу чужаков. А затем бармен откинул голову назад и расхохотался.

Это был громовой, раскатистый хохот, который тут же подхватили остальные. Весь «Гнилой трюм», от матросов до шлюх, взорвался смехом, свистом и улюлюканьем, хлопая по столам и указывая пальцами на гостей.

— Этот Однорукий бандит совсем рехнулся! — прорычал бармен сквозь смех, вытирая выступившие слёзы. — Решил переть против Декстера Фламинго и его «Оазиса»? Да он, видать, мозги пропил вместе со своей культяпкой! И кого он прислал? — он обвёл троицу театральным жестом. — Два задохлика и деда! Два задохлика и деда! Чтобы выбить долг! Ну, парни, вы сами напросились!

— Валите их, парни! — раздался откуда-то сбоку чей-то хриплый крик, и зал взорвался движением.

С грохотом опрокинутых скамей и звоном бьющейся посуды посетители «Гнилого трюма» — кто с дубиной, кто с ножом, кто просто с голыми кулаками — ринулись на чужаков. Это была толпа, разъярённая, пьяная, привыкшая к насилию как к развлечению, и их было много, очень много.

Отто, стоявший по правую руку от Сандора, хищно оскалился, и на его лице, ещё недавно бледном и испуганном, расцвело выражение дикого, почти радостного предвкушения. Он размял плечи и бросил на Сандора быстрый, сверкающий взгляд:

— Ну что, сержантик, помнишь наши тренировки в форте? Как в старые добрые времена, на кулачках! Только чистое искусство мордобоя! Предлагаю: кто положит больше этих дуболомов, тот выиграл. С проигравшего — выпивка! Идёт?

— Идёт, — бросил Сандор, и в его голосе тоже прорезалась та особая, мрачная весёлость, которая приходит только перед хорошей дракой.

А затем толпа накатила на них, и началось.

Сандор встретил первого нападающего — коренастого мужика с дубиной, замахнувшегося широко и глупо, — резким шагом вперёд и прямым ударом в челюсть, который Отто называл «поцелуй кладбища». Голова матроса мотнулась, как у тряпичной куклы, и он рухнул на пол, выронив дубину, которую Сандор тут же подхватил и метнул в лицо второму. Тот взвыл и схватился за разбитый нос.

Отто же танцевал. По-другому и нельзя было описать то, что он делал. Он двигался в толпе врагов, как угорь в мутной воде, ускользя от ударов за миг до их нанесения, и каждое его движение было экономным, выверенным, смертоносным. Никакой магии. Только столетний опыт бойца, пережившего сотни стычек. Он ломал пальцы, выбивал запястья, бил локтями в

висок и коленями в пах, и вокруг него быстро росла куча стонущих, корчащихся тел. Один из бандитов попытался ударить его ножом — Отто поймал его руку, вывернул под неестественным углом (раздался тошнотворный хруст), выхватил нож и метнул его в плечо другому, который заходил со спины.

— Три! — выкрикнул он, уклоняясь от удара бутылкой.

— Четыре, — поправил Сандор, обрушивая тяжёлую табуретку на голову очередного противника. Табуретка разлетелась в щепки, а её владелец осел на пол.

Винсент, как ему и было велено, сначала спрятался за перевёрнутым столом, прижимая портфель к груди и с ужасом наблюдая за тем, как его товарищи превращают зал в поле боя. Он видел, как Сандор, сбитый с ног ударом в корпус, перекатился и снизу ударил ногой в колено нападавшему, как Отто, схватив двоих за шкурки, столкнул их лбами, и они мешком осели на пол. Вокруг царил хаос: летели бутылки, хрустели кости, кто-то кричал, кто-то стонал, а скрипач, забравшись на своё возвышение, продолжал пикировать, словно ничего не происходило и кажется улыбался.

И вдруг прямо перед Винсентом возник один из бандитов — невысокий, но коренастый, с жёлтыми зубами и злобным оскалом. Он замахнулся на барона обломком доски. Винсент, действуя инстинктивно, схватил со стола первую попавшуюся бутылку — дешёвого рома, как он потом узнал, — и, зажмурившись, со всего размаху опустил её на голову бандита. Бутылка взорвалась стеклянным дождём, и в руках у Винсента осталась «розочка» — зазубренное, острое стеклянное горлышко. Бандит, заливаясь кровью из порезанной головы, отшатнулся, а Винсент, всё ещё не веря в то, что он это сделал, закричал что-то нечленораздельное и бросился вперёд, размахивая своим импровизированным оружием. Он не знал, правильно ли он дерётся, эффективно ли, но его страх трансформировался в какую-то истеричную, бесстрашную ярость, и она несла его вперёд.

Бойня продолжалась долго. Сандор потерял счёт времени, потерял счёт поверженным противникам. Его кулаки были разбиты в кровь, предплечье саднило от пореза, нанесённого чьим-то ножом, но боль была фоновой, далёкой, неважной. Важным был только ритм боя — удар, уклон, блок, контратака, — ритм, который Отто вбивал в него месяцами и который теперь работал на полную, безжалостную мощь. Рядом с ним старик творил чудеса рукопашного боя, укладывая врагов одного за другим с методичностью мясника, разделяющего тушу.

И наконец, это закончилось.

Весь пол «Оазиса» был усеян телами. Кто-то стонал, пытаясь подняться, кто-то лежал неподвижно, кто-то, кому повезло чуть больше, сидел, прижимая к себе сломанную руку или разбитое лицо, и тихо матерился. Лишь немногие, самые осторожные из посетителей, умудрились сбежать через заднюю дверь в самом начале драки. Скрипач доиграл последнюю, фальшивую ноту и, поклонившись, спрятался за своё возвышение.

Отто стоял в центре зала, оперев руки в боки, и тяжело, но довольно дышал. Его лицо было покрыто парой ссадин, но в глазах горел тот самый азартный, мальчишеский огонёк, который Сандор видел в нём только во время их тренировок. Оглядев поле боя и быстро пересчитав поверженных противников, он удовлетворённо хмыкнул:

— Ну что, сержантик, я выиграл. С большим запасом. Ты даже близко не подошёл.

Сандор, вытирая кровь с разбитой губы, устало, но искренне усмехнулся:

— За алкоголь ты, старый хрыч, и море перешёл бы. Не был бы ты пьяницей — был бы покойником. Так что считай, что я тебе поддался.

— Ах, поддался он! — фыркнул Отто. — Я тебе сейчас поддамся, дай только дух перевести.

И тут к ним, расталкивая чьё-то стонущее тело ногой, подбежал Винсент. Его камзол был порван, галстук съехал набок, лицо было перемазано грязью, чужой кровью и потом, а в руке он всё ещё сжимал «розочку». Но выражение его лица было... необычным. Глаза горели, щёки

раскраснелись, и на его губах играла широкая, почти безумная улыбка человека, только что пережившего свой первый настоящий бой и вышедшего из него живым.

— Вы видели?! — закричал он, подбегая к ним. — Вы видели, как я дрался?! Я ему — бутылкой по башке! А потом ещё одному! А потом ещё! Я, барон Лорен, дипломат и кабинетная крыса, — дрался в портовой драке! Вы видели?!

Сандор и Отто переглянулись. Улыбка медленно расплзлась по их лицам. И, не стовариваясь, они обрушили на Винсента поток театрального, преувеличенного восхищения.

— О, великий воин! — воскликнул Отто, прижимая руку к сердцу. — Скала! Буря! Смерч! Ты был ужасен в своём гневе, барон! Твой клинок — извините, твоя бутылка — разила врагов, как Драконья молния!

— Я трепетал от ужаса, наблюдая за твоими подвигами, — подхватил Сандор, стараясь сохранять серьёзное лицо. — Искренне. Такого яростного натиска я не видел со времён... со времён прошлого четверга.

Винсент, всё ещё опьянённый адреналином, сначала воспринял их похвалу за чистую монету, но, увидев, как они оба едва сдерживают смех, запнулся, покраснел и, наконец, сам рассмеялся — тихо, неуверенно, но смеялся. Это был смех измученного, перепуганного, избитого человека, который только что понял, что жив, и это было прекрасно.

— Ладно, ладно, — пробормотал он, опуская своё стеклянное оружие. — Я понял. Я был... не очень. Но я это сделал, чёрт возьми!

— Сделал, — подтвердил Сандор, хлопая его по плечу. — И я тобой горжусь. Правда.

Их момент триумфа был прерван тихим, дрожащим голосом, донёсшимся из-под барной стойки:

— Я всё отдам! Я всё лично отдам Билли! Только не бейте! Я всё отнесу ему!

Все трое повернулись на звук. Из-за перевёрнутой стойки, прижимаясь спиной к стенке и дрожа как осиновый лист, выглядывал бармен. Вся его бравада, весь его смех исчезли без следа. Это был просто напуганный, жалкий человек, чья вера в непобедимость своего босса Декстера Фламинго была только что жестоко разбита — в прямом и переносном смысле.

Отто открыл было рот, чтобы ответить — несомненно, что-то едкое, — но его перебили.

Со стороны входа, из темноты дверного проёма, раздались медленные, размеренные аплодисменты.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Все трое резко обернулись.

На пороге «Оазиса», опираясь на трость, стоял Билли Однорукий. Его щербатая улыбка сияла в полумраке, как фонарь. Рядом с ним, всё так же безучастно и тихо, стоял мальчишка лет десяти. Билли хлопал в ладоши — медленно, отдельно, и каждый хлопок отдавался в опустевшем зале, как удар молотка по наковальне.

— Bravo, — произнёс он, и в его визгливом голосе звучало неподдельное, почти детское восхищение. — Bravo, господа мои. Честное слово, меня уже очень, очень давно никто так не удивлял. Вы не представляете, как давно.

Он сделал несколько шагов вперёд, осторожно обходя лежащие тела, и остановился, оценивающе оглядывая масштаб разрушений.

— Я думал, вас избыют до полусмерти. Я надеялся, что вы, может быть, сумеете надрать пару-тройку задниц до того, как вас скрутят. Но это? — он обвёл рукой весь бар, всё поле боя, — Это нонсенс. Это выходит за все рамки ожидаемого. Три человека против полного зала отборного отребья — и ни царапины? Ну, пара царапин, — поправился он, заметив разбитую губу Сандора и ссадины Отто. — Но против такого... Я впечатлён. Искренне. Честно. Я человек деловой, и когда я вижу такой уровень компетенции, я не могу пройти мимо. Такие люди, как вы, мне нужны.

Он оперся на трость и чуть наклонил голову.

— У меня на улице ждёт повозка. Предлагаю вам сесть в неё и вместе со мной отправиться обратно в мой офис — в более чистую его часть, а не в тот клоповник, где мы имели удовольствие познакомиться. Поговорим. Обсудим ваше положение, моё положение и возможности для взаимовыгодного сотрудничества. Я чувствую, что мы можем быть друг другу полезны.

Он сделал паузу, и его улыбка стала чуть холоднее, чуть жёстче.

— Но я должен напомнить, друзья мои, что ваши дамы по-прежнему у меня в заложниках. В качестве гарантий вашего благоразумия. Поэтому, когда мы сядем в повозку, следите за своими действиями. Не надо глупостей. Вы доказали, что вы компетентны, но это не значит, что я перестал быть осторожным. Осторожность — моя вторая натура. Первая была ампутирована.

Он снова хихикнул и пошевелил протезом.

Сандор и Отто переглянулись. Выбора не было. Они это знали. Они только что продемонстрировали, на что способны, и это заинтересовало Билли, но не обезопасило их. Фия и Марта всё ещё были в заложниках. И этот факт перевешивал всё остальное.

— Хорошо, — сказал Сандор. — Мы едем.

— Умница, — просиял Билли. — Пойдёмте. Повозка ждёт.

Он повернулся к выходу, но на пороге остановился и бросил через плечо в сторону всё ещё прячущегося за стойкой бармена:

— Эй ты, чучело. Не забудь, кто здесь теперь новый хозяин. И чтобы завтра к полудню Декстер лично приполз ко мне на поклон. И долг пусть принесёт. С процентами. И передай ему, что Билли Однорукий шутит только раз. Второй раз будет больно. Очень.

После чего он, сопровождаемый безучастным мальчиком и своей тенью, вышел из «Оазиса» в прохладную ночь Ривергарда, и за ним, оставив за собой поле из поверженных врагов и разбитой мебели, последовали Сандор, Отто и всё ещё дрожащий, но исполненный странной, новой гордости Винсент.

Глава 25 Приоритеты.

Карета Билли Однорукого оказалась под стать своему хозяину — неожиданно роскошной, но с душком чего-то сомнительного. Это был просторный, оббитый изнутри тёмно-бордовым бархатом экипаж на мягких рессорах, запряжённый парой сытых, холёных лошадей. Внутри пахло дорогим табаком, кожей и едва уловимым ароматом каких-то терпких благовоний, которые, казалось, должны были перебить запах того, чем на самом деле занимался хозяин экипажа, но лишь добавляли ему загадочности. На сиденьях были разбросаны расшитые подушки, а у окна, отгороженного тёмной занавеской, стоял маленький столик с инкрустацией, на котором сейчас не было ничего, кроме одинокого, пустого бокала.

Сандор и Отто сели лицом к Билли, который развалился на противоположном сиденье с видом монарха, принимающего подданных. Винсент, всё ещё прижимавший к груди портфель, притулился с краю, стараясь занимать как можно меньше места. Мальчик — тот самый, что безмолвно стоял у окна в кабинете, — устроился у противоположного окна и теперь скучающе, почти демонстративно равнодушно смотрел на проплывавшие за стеклом тёмные улицы. Его пальцы рассеянно гладили гриву деревянной лошадки, и, казалось, весь этот мир взрослых драк, интриг и угроз совершенно его не касался.

Первые несколько минут прошли в молчании, нарушаемом лишь стуком копыт о брусчатку и редким скрипом рессор. Билли молчал, но его молчание было не пустым — он явно переваривал увиденное, время от времени бросая на своих пассажиров быстрые, оценивающие взгляды. Наконец, он хлопнул себя протезом по колену и издал короткий, скрежещущий смешок.

— Должен признаться, — произнёс он, и в его визгливом голосе звучало искреннее, неподдельное восхищение, — я до сих пор не могу отойти. Честно. Я многое повидал в этом городе. Видел, как дерутся лучшие вышибалы, видел, как мои парни разбираются с конкурентами, видел даже пару магических стычек — со стороны, разумеется, — но такое... Такое я видел впервые. Вы понимаете, что вы только что сделали?

— Понимаем, — коротко ответил Сандор.

— Ни хера вы не понимаете! — воскликнул Билли, но без злобы, скорее с азартом. — Я, когда вас отправлял, честно скажу — я не рассчитывал, что вы справитесь. Вообще. Я думал, вы зайдёте, на шумите, отвлечёте на себя внимание. Отвлечёте этих придурков ровно настолько, чтобы мои парни под шумок похитили бармена — того самого лысого, с которым вы говорили. Он, знаете ли, очень много знает о делах Декстера. Очень много. Слишком много. И я надеялся, что вы отвлечёте зал на пару минут, пока мои люди сделают своё дело.

Он вздохнул и покачал головой.

— А вместо этого мои парни докладывают мне, что вы, втроём, разносите в пух и прах почти всю банду Декстера. Почти всю.

Билли снова хлопнул по колену, на этот раз живой рукой.

— Я не поверил своим ушам. Я сказал своим парням: «Если вы, сукины дети, мне врётё, я вам лично яйца отрежу». А они говорят: «Билли, клянёмся, это правда». И тогда я поехал сам. Скажу честно, за такое шоу я готов заплатить.

Он помолчал, затем добавил, понизив голос и посмотрев куда-то в угол экипажа:

— И знаете, это меня даже немного... расстроило. Не то чтобы я жалуясь, нет-нет. Но это напомнило мне одну важную вещь, которую я иногда забываю. Что не всё в мире решается силой. Вы — вы трое — гораздо сильнее меня. Гораздо. Ты, Сандор, мог бы свернуть мне шею одной рукой, даже не запыхавшись. Старик твой... — он бросил быстрый взгляд на Отто, — про него я вообще молчу. Я не знаю, кто он такой, но нутром чую — он способен на то, что мне и в кошмарах не приснится. И даже этот хорёк, — он кивнул на Винсента, — оказывается, умеет

махать бутылкой. Вы все сильнее меня. В прямом, физическом смысле. Но сейчас вы сидите здесь, в моей карете, и едете туда, куда я скажу, а ваши женщины — у меня в заложниках.

Он поднял глаза и обвёл их взглядом.

— Я это не к тому, чтоб унижить вас. Боже упаси. Я вообще не люблю унижать полезных людей — это глупо и недальновидно. Я к тому, что сила — это не только мускулы. Сила — это знание того, что нужно твоему противнику. И обладание этим. Вот ты, Сандор, хочешь спасти свою леди. Ты хочешь этого так сильно, что готов выполнять мои поручения. И именно поэтому я сижу здесь, а ты — там. Не потому, что я сильнее. А потому, что у меня есть то, что нужно тебе. И это, друг мой, единственно верный взгляд на жизнь.

В экипаже на мгновение воцарилась тишина. Сандор не ответил — потому что ответить было нечего. Билли был прав. Цинично, грязно, отвратительно прав.

А затем Сандор, рассеянно взглянув в окно, увидел нечто, от чего его сердце пропустило удар.

На углу узкой улочки, освещённой единственным эфирным фонарём, стоял человек. Он был одет как большинство местных. Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел прямо в окно кареты. Смотрел пристально, не мигая, и в этом взгляде было что-то настолько неестественное, настолько чуждое всему живому, что Сандор почувствовал, как волосы на его затылке встают дыбом. Затем человек — попытался дернуться — вдруг пошатнулся, схватился за грудь и, словно подкошенный невидимой рукой, рухнул на землю лицом вниз. Мгновение — и его тело осталось лежать на мостовой, а карета проехала мимо.

И в ту же самую секунду Отто, сидевший рядом, издал странный, сдавленный звук. Сандор резко повернулся к нему. Глаза старика были расширены до предела, лицо побледнело как полотно, а пальцы, лежавшие на коленях, вцепились в ткань штанов с такой силой, что она затрещала.

— Отто? — резко спросил Сандор.

Старик не ответил сразу. Он сделал несколько судорожных вдохов, его глаза бегали, словно он пытался сфокусироваться на чём-то невидимом. Затем, с видимым усилием взяв себя в руки, он повернулся к Сандору и заговорил — тихо, хрипло, так, чтобы слышал только он:

— Я... я почувствовал это снова. Такая же огромная сила, как в прошлый раз. Но... но на этот раз она была будто бы другого рода и в упор. Я ощутил её так близко, как не ощущал ни одного мага со времён... понимаешь с каких времён. Это было как удар молнии рядом. Вспышка и — тишина.

— Он... он прекратил? — спросил Сандор, понижая голос. — Ты всё ещё чувствуешь его?

Отто замер, прикрыл глаза на несколько секунд, и когда открыл их, в них читалось глубочайшее, почти мистическое недоумение.

— Нет, — прошептал он. — Ничего. Вообще ничего. Как будто его никогда и не было. Как будто кто-то зажёл свечу, сунул её мне в глаза и тут же задул. Это... это не может быть случайностью. Кто-то только что... проявил силу. Рядом с нами. На мгновение. И потом... исчез.

Билли, который всё это время с любопытством наблюдал за ними, подался вперёд:

— Что это значит? О чём вы там шепчетесь? Я, конечно, извиняюсь, но у меня в карете секретничаю только я. Если что-то происходит, я должен знать об этом.

Сандор встретился глазами с Отто, и между ними произошёл тот безмолвный обмен пониманием, который возможен только между людьми, прошедшими через ад. Отто едва заметно покачал головой. Сандор повернулся к Билли, и его лицо приняло выражение лёгкой, почти скучающей усмешки.

— Ничего страшного, — сказал он. — У старика иногда бывает горячка от алкоголя. Периодически она прорывается, и он начинает «ощущать силу». Особенно после хорошей драки. Это пройдёт.

Он говорил это легко, почти небрежно, но его взгляд, устремлённый на Отто, был предельно серьёзен. И этот взгляд говорил яснее всяких слов: «Не сейчас. Не здесь. Не при нём».

Билли не был дураком. Он прекрасно понял посыл, и его щербатая улыбка стала чуть уже, чуть холоднее.

— Ну-ну, — протянул он, откидываясь на спинку сиденья. — Ладно. Не хотите говорить — не надо. Только не держите меня за идиота. Я идиотом не был, даже когда у меня было две руки. Но, так и быть, сейчас это неважно. Потому что мы уже почти приехали. Вон, видите? — он указал протезом в окно, где уже показались знакомые очертания тёмно-красного здания с чёрными ставнями. — А все важные разговоры можно продолжить в более удобном месте. У меня, знаете ли, есть специальное помещение для таких бесед.

Карета замедлила ход и остановилась у входа в бордель. Кучер спрыгнул с козел и отворил дверцу. Первым, как и полагается хозяину, вышел Билли, за ним — мальчик, так и не проронивший ни слова, затем — Сандор, Отто и, наконец, Винсент, который всё ещё озирался по сторонам, как побитая, но выжившая собака.

У входа в бордель, под тёплым светом фонаря, их уже ждали. Две куртизанки — одна в алом, другая в чёрном, обе с глубокими декольте и профессиональными улыбками, — при появлении Билли буквально налетели на него, как бабочки на огонь. Они висли на нём, гладили его плечи, щебетали что-то льстивое и сладкое, явно пытаясь лишний раз подлизаться к новому начальству.

— Билли, дорогой! Ты вернулся! Мы так скучали! — ворковала одна.

— Ты не представляешь, как тут было скучно без тебя! — вторила вторая.

Билли, расплывшись в довольной, щербатой улыбке, похлопал одну из них пониже спины (живой рукой) и, сделав вид, что хочет укунить за ухо, отстранился.

— Не сейчас, девочки, не сейчас. У меня дела. Важные. Очень важные. — Он кивнул в сторону своей свиты из трёх потрёпанных мужчин. — Как только закончу, мы обязательно... поработаем над вашими дополнительными бонусами к зарплате. А пока — брысь. Дайте пройти.

Куртизанки, разочарованно надув губки, расступились, и вся группа проследовала внутрь. На этот раз они не задерживались в холле с его алым бархатом и сладковатым дурманом. Билли сразу направился к широкой, устланной ковровой дорожкой лестнице, ведущей на второй этаж, и остальные последовали за ним.

Второй этаж разительно отличался от первого. Здесь было тихо, сумрачно и мрачно. Никакой музыки, никаких приглушённых стонов из-за дверей. Только длинный, устланный всё тем же алым ковром коридор, вдоль которого тянулись закрытые двери из тёмного дерева, да тусклые канделябры на стенах. Это была уже не часть публичного дома. Это была частная территория. Территория Билли.

Они дошли до одной из дверей, и Билли остановился. Он повернулся к мальчику, который всё это время безмолвно следовал за ними, и впервые за вечер его голос утратил визгливые, деловые нотки и стал... мягче? Теплее? Сандор не был уверен.

— Иди пока поиграй в своей комнате, — сказал Билли, кладя живую руку на плечо мальчика. — У меня тут будет ещё один скучный взрослый разговор. Ты же знаешь, как я это не люблю. Давай, я скоро зайду.

Мальчик впервые за всё время отреагировал на происходящее. Он поднял глаза на Билли, и в этом взгляде, устремлённом на Однорукого, промелькнуло что-то, что Сандор не смог бы описать словами. Не привязанность. Не страх. Скорее... понимание. После чего мальчик молча кивнул, открыл соседнюю дверь и скрылся за ней, тихо притворив её за собой.

Билли проводил его взглядом, и его лицо на мгновение стало серьёзным, почти печальным. Затем он встряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и кивнул двум охранникам, стоявшим у следующей двери. Те без слов отворили перед ним тяжёлую дубовую створку.

— Прощу в мой кабинет, — произнёс Билли уже своим обычным, скрежещущим голосом. — Настоящий кабинет. Не та дыра, где мы встречались в прошлый раз.

Он вошёл первым. Остальные последовали за ним.

Если первый кабинет Билли, где они познакомились, был утилитарной, почти спартанской комнатой, то это помещение было полной его противоположностью. Это был кабинет человека, который любит деньги, умеет их получать и не стесняется демонстрировать результат. Стены, обитые панелями из тёмного, полированного ореха, были украшены картинами в тяжёлых золотых рамах — в основном морскими пейзажами и изображениями сражений парусных кораблей. Пол, выложенный чёрным и белым мрамором в шахматном порядке, был устлан пушистыми, дорогими коврами с густым ворсом. На полках, встроенных в стены, сверкали за стеклом коллекционные бутылки выдержанного рома и виски, а также несколько книг в дорогих кожаных переплётках — вероятно, бухгалтерские гроссбухи. Массивный письменный стол красного дерева был девственно чист — ни бумаг, ни чернилниц, лишь одинокая эфирная лампа.

Но самое поразительное находилось в центре комнаты. Огромный, от пола до потолка, аквариум, встроенный в стену напротив окон. Его освещали мягким, голубоватым светом несколько эфирных кристаллов, вмонтированных в оправу, и в этом свете, среди искусственных кораллов и водорослей, плавали диковинные, яркие рыбы — золотые, алые, синие, какие-то даже светящиеся. Под аквариумом, скрытый в декоративном постаменте, тихо гудел какой-то механизм, работающий, судя по мерцанию, на эфирных кристаллах — видимо, он поддерживал температуру воды и чистоту. Это было настолько чужеродно всему остальному зданию, настолько дорого и демонстративно, что Сандор на мгновение замер.

— Нравится? — раздался голос Билли, который уже прошёл вглубь комнаты и теперь стоял, опираясь на трость, и гордо смотрел на свой аквариум. — Моя гордость. И моя слабость. Единственная, наверное. Рыбки. Они не пиздят. Они красивые. И они не пытаются меня убить или наебать. Идеальные компаньоны.

Но Сандор уже не смотрел на аквариум. Его взгляд метнулся к пышным, обитым зелёным бархатом креслам, стоявшим полукругом у стены. В них, со связанными руками и ногами, сидели Фия и Марта. Три охранника стояли рядом, положив руки на оружие, и их лица были бесстрастны.

— Сандор! — выдохнула Фия, и в её голосе прозвучало такое облегчение, такая благодарность, что у него перехватило горло.

— Я же сказал: с их головы и волос не упадёт, — произнёс Билли, проходя к креслам и делая знак охранникам. — Развяжите их. И подождите снаружи кабинета. Больше вы здесь не нужны.

Охранники безмолвно выполнили приказ — сняли путы с запястий и лодыжек пленниц, поклонились Билли и гуськом вышли из комнаты, закрыв за собой дверь. Фия встала, разминая затёкшие руки, и посмотрела на Сандора.

— Я боялась вдруг вы не вернетесь, — сказала она тихо.

— Сопровождение у вас дамы, кстати, просто отличное, — встрял Билли, разваливаясь в одном из кресел и закидывая ногу на ногу. — Работать умеют не только языком. Хотя, — он хитро прищурился и расплылся в дырявой улыбке, — не уверен, сдаётся мне, язык у них тоже рабочий.

Фия и Марта одновременно слегка покраснели. Марта, обычно такая сдержанная и меланхоличная, даже что-то пробормотала себе под нос, но недостаточно громко, чтобы быть слышанной. Отто, прислонившийся к дверному косяку, издал короткий, ехидный смешок. Юмор Билли явно был ему по вкусу.

— Ладно, хватит любезностей, — сказал Билли, и его голос стал деловым. Он указал на диван напротив. — Садитесь. Все. Разговор будет долгим.

Сандор, Фия, Марта, Отто и Винсент заняли места. Билли, удовлетворившись этим, подался вперёд, опершись на трость.

— Итак. Ты, — он указал пальцем на Фию, — дочь герцога Блэкторна. Ты, — он указал на Сандора, — её телохранитель, и, как я теперь знаю, наняли тебя не зря. Вы в бегах. Вы искали Фрамта. Вы пришли в мой город, в мой цветущий сад, с письмом от короля Мартина. Вопрос: с какой целью? Какое у вас было дело к Фрамту? И почему я, Билли Однорукий, должен вам помочь?

Сандор и Фия переглянулись. Они уже обсуждали это в карете готовясь к встрече с Фрамтом — сколько можно раскрыть, а что стоит оставить при себе. И сейчас Сандор принял решение.

— Нам нужно связаться с Кассианом Блэкторном, — сказал он прямо. — Напрямую. Но так, чтобы содержимое нашего общения никто не перехватил и не узнал. Это вопрос безопасности. И не только нашей.

Билли присвистнул сквозь щель в зубах.

— Связаться с герцогом Гипериона. Напрямую. Втайне от всех. В нынешних обстоятельствах, когда, по моим данным, творится какая-то чертовщина в столице, а император мёртв? Это, доложу я вам, очень дорого. Очень. И очень не просто. Но... — он размял второй подбородок пальцами, задумчиво глядя куда-то в сторону аквариума, — возможно. Теоретически возможно.

Он перевёл взгляд на Фию, затем на Сандора, и его щербатая улыбка вернулась.

— Я услышал вашу потребность. Вы нуждаетесь в связи. Это то, что вам нужно больше всего. Следовательно, — он поднял палец, — я готов назвать цену. Помните главное правило рынка?

— «Спрос рождает предложение», — произнёс Сандор прежде, чем кто-либо успел ответить. — Ты уже читал нам лекцию. Но послушай и ты меня, Билли.

Билли удивлённо поднял бровь.

— Я в институтах не учился, — медленно произнёс Сандор, — и в экономике не разбираюсь. Но кое-что я понимаю. Я видел достаточно за сегодня. Ты стал хозяином Ривергарда совсем недавно. Очень недавно. И многие здесь до сих пор не признали тебя паханом. Не прогнулись. «Оазис» — только один пример. Таких, как Декстер Фламинго, у тебя ещё много. И каждый из них ждёт, когда ты споткнёшься и кто-то всадит тебе нож в спину. Твоя власть шаткая. Тебе нужно укрепить её, и быстро. Показать, что с тобой лучше дружить, чем враждовать. Показать, что ты можешь наказывать. Жёстко. Неумолимо.

Он сделал паузу, глядя Билли прямо в глаза.

— Поэтому твоя цена будет именно такой. Ты попросишь нас помочь тебе укрепить авторитет. Наказать тех, кто ещё не прогнулся. Быть твоими... скажем так, инструментами убеждения. Я прав?

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим журчанием аквариума. А затем Отто, сидевший в углу, усмехнулся и хрипло произнёс:

— Надо же. Начал работать головой. А я уж думал, не доживу.

Билли смотрел на Сандора долго, изучающе, и его лицо, обычно такое подвижное и гримасничающее, было на удивление неподвижным. Затем его щербатая улыбка медленно, очень медленно расползлась от уха до уха, и он захихикал.

— Ты быстро схватываешь, парень. Очень быстро. Это похвально. Это реально похвально. — Он хлопнул себя по колену. — Да. Ты прав. Во всём. Мне нужны люди, которые могут вправить мозги. Мне нужны союзники, на которых можно положиться. И мне нужно, чтобы те, кто ещё сомневается, поняли: со мной шутки плохи. Вы это уже доказали. Вы разнесли «Оазис». Слухи об этом разлетятся по городу быстрее, чем крысы с тонущего корабля.

И все будут знать: у Билли есть парни, которые могут зайти в логово врага и оставить от него мокрое место. Это — цена. Ты её угадал, Сандор.

Он встал с кресла и, опираясь на трость, сделал несколько шагов к центру комнаты.

— Но я готов пойти дальше. Готов заключить негласный пакт. Ты, — он указал на Фию, — как я уже пробил по своим каналам, дочь человека, который является одним из трёх столпов империи. Когда пыль осядет — а она когда-нибудь осядет, — твой отец если выживет, продолжит быть очень влиятельным человеком. Возможно, самым влиятельным. И ты будешь благодарна за помощь. Ты, — он указал на Сандора, — показал, что у тебя есть яйца. Ты можешь быть очень полезным контактом. А я — Билли Однорукий. Гильдмастер Ривергарда. И у меня есть связи, ресурсы и влияние, которые могут пригодиться даже герцогу. Такие люди, как мы, явно найдут, чем быть полезными друг другу, когда всё закончится.

Он остановился в нескольких шагах от Сандора и, подняв на него взгляд, произнёс с расстановкой:

— Второе правило рынка, о котором я не говорил тогда, в кабинете. Оно звучит так: «Не важно, что ты знаешь. Важно, кого ты знаешь и с кем ведёшь дела». Запомни это, парень. Это правило принесло мне всё, что я имею.

Он протянул руку — живую, — намекая на рукопожатие.

И в этот самый момент где-то за стеной раздался грохот.

Это был не тихий шум, не стук упавшего предмета — это был оглушительный, сокрушительный треск, как будто что-то огромное проломило каменную кладку. Звук был настолько резким и неожиданным, что все в комнате вздрогнули. Фия ахнула. Марта схватилась за подлокотники. Винсент подпрыгнул на месте. Сандор и Отто вскочили одновременно, готовые к чему угодно.

Билли замер, его лицо изменилось мгновенно — исчезла деловая маска, исчезла ухмылка, осталось только выражение холодной, беспощадной ярости.

— Что за... — начал он, но не договорил.

Он рванулся к двери, прихрамывая, но двигаясь с неожиданной для его комплекции скоростью, и распахнул её. В коридоре уже царил хаос: охранники бежали к соседней двери — той самой, за которой скрылся мальчик Кайл, — и их лица были искажены паникой. Дверь в комнату Кайла была распахнута настежь. Изнутри вырывался сквозняк, холодный и влажный, пахнувший уличной пылью и разбитым камнем.

— Что здесь произошло?! — заорал Билли, и его голос сорвался на визг. — Какого хера?!

Один из охранников, тот, что со шрамом через щёку, обернулся к нему, и его лицо было бледным.

— Босс... кто-то... кто-то проломил стену! Снаружи! И похитил мальчика! Мы слышали грохот, вбежали, а здесь... здесь дыра!

Билли, не веря своим глазам, оттолкнул охранника и ввалился в комнату. Остальные — Сандор, Фия, Марта, Винсент, Отто — последовали за ним.

Комната Кайла была небольшой, уютной, с детской кроваткой, игрушками и маленьким столиком. У одной из стен, выходящей, судя по всему, во внутренний двор или переулок, зияла огромная, рваная дыра, сквозь которую виднелись куски кирпичей, чёрное небо и далёкие огни города. Вся мебель в комнате была сдвинута, часть игрушек разбросана, а на полу, у самого пролома, лежала маленькая деревянная лошадка — та самая, которую Кайл всё время держал в руках.

Билли застыл на мгновение, глядя на эту лошадку, и его лицо исказилось такой болью и такой яростью, каких Сандор никогда не видел на человеческом лице. Затем он развернулся к охранникам, и его голос взвился до крика:

— Какого хера вы, сучьи отродья, до сих пор не преследуете похитителя моего сына?! Вы что, хотите, чтобы я вас всех вместо шлюх работать заставил?! Вон! На улицу! Найдите его! Найдите Кайла! Всех поднять! Всех!

Охранники, побледнев, бросились исполнять приказ, чуть не сбивая друг друга в дверях. Билли остался стоять, тяжело дыша, сжимая трость так, что его костяшки побелели. Через несколько секунд он обернулся к Сандору и остальным, и его голос, всё ещё дрожащий от ярости, стал чуть тише, но не менее напряжённым:

— Ты был прав, Сандор. Ты был чертовски прав. Кто-то до сих пор поднимает против меня голову. И этот кто-то посмел тронуть моего сына. Моего Кайла.

Он сделал шаг к Сандору и уставился ему прямо в глаза.

— Нахер всё. Помогите мне. Верните Кайла. Разорвите на части того, кто его похитил. Я помогу вам связаться с герцогом. Я сделаю всё, что угодно. Всё, что попросите. Только верните моего мальчика.

В этот момент в дверях появился Отто, который на несколько мгновений исчезал из виду. В его руках было копьё Сандора — то самое, которое они оставили в кабинете Билли. Кристалл на его навершии тускло мерцал в полумраке, словно безмолвный страж, готовый к бою. Отто без слов протянул оружие Сандору. Тот взял его, и знакомое ощущение холодного древка в ладони подействовало лучше любого тонизирующего средства. Он снова был вооружён. Снова был готов.

— Фия, Марта, Винсент, — быстро, по-военному скомандовал он. — Остаётесь здесь.

Фия хотела что-то возразить, но, встретив его взгляд, лишь коротко кивнула. Марта сжала её локоть. Винсент, прижимавший к груди портфель, казался одновременно испуганным и решительным. Но больше всех насторожилась Фия: она быстро, оценивающе взглянула на Билли, и в этом взгляде читался немой вопрос. Она всё ещё не доверяла ему, не забыла, что они были заложниками всего минуту назад.

Билли перехватил этот взгляд и, обернувшись на Сандора, произнёс глухо:

— Всё. Всё кончено. Статус заложников снят. Полностью. Я клянусь вам, чем угодно поклянусь. Они под моей защитой. Тот, кто посмеет тронуть их на земле Билли Однорукого, будет завидовать мёртвым. Я лично об этом позабочусь.

Сандор посмотрел на Фию и едва заметно кивнул, давая знать, что он верит — по крайней мере, сейчас. Затем развернулся к Отто.

— Идём.

И они вдвоём бросились в пролом, в ночь, оставив за собой комнату, полную страха, надежды и обещания, которое ещё предстояло сдержать.

...

Альберт Лангр вышел из переговорного зала последним, как всегда. Он никогда не спешил покидать помещения, где принимались судьбоносные решения: во-первых, спешка была не в его характере, во-вторых — и это было куда важнее — именно в момент, когда все расходятся, можно услышать то, чего не услышишь во время официальных прений. Обрывки фраз, брошенные вполголоса. Случайные оговорки. Многозначительные взгляды. Из таких мелочей, собираемых годами, и состояла его легендарная осведомлённость.

Сегодняшнее собрание высшей знати оставило тяжёлый, свинцовый осадок. Император мёртв — это было уже обнародовано, и реакция собравшихся была именно такой, какую он предсказывал: смесь показной скорби и плохо скрываемого лихорадочного пересчёта ставок. Казимир, сидевший во главе стола с лицом бледным и отстранённым, не проронил ни слова. Ни единого. За всё собрание. Людвиг, напротив, говорил слишком много, пытаясь убедить всех — и, возможно, себя самого — в своей готовности принять бразды правления. Но Альберт смотрел не на них. Он смотрел на герцогов.

И то, что он увидел сейчас, выходя в широкий, сводчатый коридор, освещённый редкими свечами, заставило его на мгновение замедлить шаг.

Кассиан Блэкторн и Маркус ван Дейк стояли почти вплотную друг к другу, и воздух между ними, казалось, был наэлектризован до предела. Кассиан, обычно столь ледяной и бесстрастный, сейчас напоминал сжатую до предела пружину, готовую в любой момент разорваться. Его лицо было бледным от гнева, глаза горели. Маркус, напротив, выглядел почти вальяжно — его грузная фигура была расслаблена, а на губах играла гадкая, снисходительная ухмылка.

— ...я тебя предупреждал, Блэкторн, — донёсся до Альберта его низкий, рокошущий голос. — Предупреждал, что твоя девочка — лакомый кусочек для тех, кто хочет надавить на тебя. И что же? Она пропала. Исчезла. В Талриане её нет. Никто не знает, где она. И я очень, очень переживаю, как бы с твоей дочуркой чего не случилось. Искренне. Как отец отцу.

Кассиан дёрнулся, как от удара. Его голос, когда он заговорил, был низким, шипящим, полным яда:

— Если ты сейчас же не закроешь свою пасть и не уйдёшь с моих глаз, Маркус, клянусь всем, что у меня есть, Дом Блэкторнов объявит войну Дому ван Дейк. Открытую. Официальную. Войну. Ты этого хочешь?

Маркус даже не дрогнул. Его ухмылка стала лишь шире, обнажив крупные, жёлтоватые зубы.

— Войну? Вот так, в открытую? Прямо в стенах королевского замка, через день после смерти императора? Как это... патриотично, Кассиан. — Он почти выплюнул это имя. — Но я бы на твоём месте был очень, очень осторожен, делая такие заявления. Я, видишь ли, команду Стальной стражей. И у меня, в отличие от тебя, отношения с возможным будущим королём — получше. Намного получше.

Он развернулся и, не прощаясь, зашагал прочь, оставив Кассиана стоять одного в пустом коридоре, с побелевшими кулаками и лицом, искажённым бессильной яростью.

Альберт подошёл неслышно. Кассиан, услышав шаги, резко обернулся, и на мгновение в его глазах мелькнул опасный огонь, который тут же погас, сменившись усталой горечью.

— Лангр, — сухо произнёс он. — Пришёл позлорадствовать? Или прочитать нотацию?

— Ни то, ни другое, — спокойно ответил Альберт. — Пришёл сказать, что, как ни прискорбно, сейчас Маркус прав. По крайней мере, в одном. Тебе стоит быть осторожнее.

Кассиан горько усмехнулся.

— Осторожнее? Моя дочь, возможно, мертва, Альберт. Моя единственная дочь. Я отправил людей в Талриан. Они подтвердили: её там нет. Король Мартин клянётся, что ничего не знает о её местоположении, но я не верю ему. Никому не верю. Фия исчезла, и я ничего не могу с этим поделать. А ты говоришь мне быть осторожнее?

— Именно, — твёрдо сказал Альберт. — Потому что страна трещит по швам. Император мёртв. Наследник — «молокосос», как ты недавно выразился. На сегодняшнем собрании он не проронил ни слова. Ни единого. Сидит и молчит, как кукла. Людвиг пытается играть в регента, но он не готов. Никто из них не готов. Последнее, что держит империю от окончательного развала — это власть герцогов. Наша власть. Если мы начнём грызться друг с другом — всё рухнет. Всё, что строилось веками.

Он сделал паузу.

— Я понимаю твою боль, Кассиан. Я не бесчувственный. Но я требую, чтобы ты держал себя в руках. Достоин титла герцога. Империя нуждается в тебе. Твоя дочь — если она ещё жива — нуждается в тебе. А тряпкой я тебя вижу, честно говоря, впервые.

Кассиан, казалось, собирался что-то резко ответить, но Альберт поднял руку, останавливая его:

— Выслушай меня. Перед смертью императора — буквально за несколько часов, — я получил от него личное сообщение. Не официальный приказ, а личную просьбу. Последнюю волю, если угодно. Он просил меня помочь тебе в любых делах, касающихся защиты Фиомелы Блэкторн. Твоей дочери.

Кассиан замер. Его лицо, только что искажённое гневом, обрело выражение глубочайшего, почти детского изумления.

— Что?.. Почему?

— Потому что он знал, что это его идея — отправить её главой делегации. И он чувствовал вину. И ответственность. — Альберт снял пенсне и, достав из кармана безупречно чистый платок, начал протирать его. — Я дал ему слово. И я сдержу его. Я уже отправил своих лучших агентов на поиск информации о состоянии и местонахождении твоей дочери. Моя сеть работает даже тогда, когда империя летит в бездну. Даже тогда, когда её владделец мёртв. Так что соберись с духом, Кассиан. Запасись терпением. Твоя дочь — дочь Блэкторна. Если она хоть наполовину такая же упрямая, как её отец, она всё ещё жива.

Кассиан долго смотрел на Альберта, не в силах произнести ни слова. В его глазах, всегда холодных и расчётливых, сейчас стояло сложное, противоречивое чувство, в котором смешались надежда, недоверие, стыд и благодарность.

— Я... — начал он и запнулся. — Я не помню, чтобы ты когда-либо вёл себя так... так хладнокровно перед лицом всего этого. Ты всегда был осторожен, Альберт. Но сейчас...

— Сейчас не время для осторожности, Кассиан. Сейчас время для действий. Осторожных, но действий.

Он повернулся, чтобы уйти, но Кассиан окликнул его:

— Альберт. Если ты помогаешь мне по просьбе почившего императора, потому что служил ему... то кому ты служишь теперь? Когда его нет?

Альберт обернулся на мгновение, и в его сухом, бесстрастном лице, в его глазах, обычно лишённых каких-либо эмоций, промелькнуло что-то глубокое и бездонное, как сама история империи, которой он посвятил жизнь.

— Я всегда служил и буду служить лишь Гипериону, — произнёс он ровно и тихо.

И удалился, оставив Кассиана одного в пустом, тёмном коридоре, где эхо его шагов ещё долго резонировало в воздухе.

Глава 26 Великая искра. Часть 1 Безмолвный мальчик.

Пролом в стене зиял рваной, каменной пастью, и холодный ночной воздух, ворвавшийся в комнату Кайла, всё ещё носил следы только что произошедшего насилия — запах кирпичной пыли, раздробленного известняка и чего-то металлического, похожего на кровь, хотя крови видно не было. Сандор спрыгнул в дыру первым, приземлившись на груды битого камня и щебня, которая осыпалась под его сапогами, и, не теряя ни секунды, вскинул голову, сканируя переулочек. Фонарей здесь не было, лишь луна, выглянувшая из-за рваных туч, заливала узкое пространство между домами мертвенным, серебристым светом, делавшим тени глубокими и обманчивыми. Справа — глухая стена склада, слева — забор, увитый колючей проволокой, впереди — убегающая в темноту мостовая. И звук. Удаляющийся, но всё ещё отчётливый стук копыт и грохот колёс по брусчатке. Не экипаж — карета, и она уносилась прочь, в противоположную сторону от главных улиц, туда, где Ривергард сгущался в лабиринт доков и пакгаузов.

Отто приземлился рядом с ним почти беззвучно — старая кошка, а не человек, — и сразу же замер, втягивая носом воздух, словно пытаясь унюхать не только запах, но и саму эфирную вибрацию, оставленную похитителем. Его лицо, ещё минуту назад бывшее маской напряжённой, но контролируемой тревоги, сейчас исказилось гримасой мрачной, почти звериной уверенности.

— Ставлю жопу, пацан внутри этой сраной кареты, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо, без обычной издёвки. — Чую. Нет времени объяснять. Просто чую.

Сандор не спросил. Он уже срывался с места.

Бег по ночному Ривергарду был не просто физическим усилием — это была гонка с самой смертью, с неизвестностью, с тем, что Отто назвал «чем-то гораздо хуже». Улицы, по которым они неслись, были полупустыми — те немногие прохожие, что ещё попадались в этот час, шарахались в стороны при виде двух теней, мчавшихся с неестественной, пугающей скоростью. Сандор бежал так, как не бежал никогда в жизни, — мышцы, ещё ноющие после драки в «Оазисе», протестовали, но он загонял боль глубоко внутрь, в тот отсек сознания, который мог подождать. Рядом с ним, не отставая ни на шаг, двигался Отто — его дыхание оставалось ровным, шаг — пружинистым, и в этом была какая-то жуткая несообразность: столетний старик, который должен был хрипеть и задыхаться, бежал как гончая, идущая по следу.

Карета маячила впереди, в просветах между домами, — тёмный, стремительный силуэт, который то исчезал за поворотом, то появлялся вновь, упрямо удаляясь. Расстояние между ними не сокращалось, но и не росло, и это давало призрачную надежду.

— С мальчишкой что-то не так! — выкрикнул Отто на бегу, и его голос, перекрывавший свист ветра и топот их собственных ног, звучал почти буднично, словно он обсуждал цены на базаре. — Я, старый дурак, чуть не проворонил! Но сейчас, когда мы выпрыгнули, пазл начал складываться!

— О чём ты?! — бросил Сандор, перепрыгивая через опрокинутую бочку, преградившую путь.

— Тот мужик! На углу, которого мы видели из кареты Билли! Которого скрючило и он замертво рухнул! Ты же видел это, мать твою, своими глазами! Не делай вид, что не заметил!

Сандор заметил. Ещё как заметил. Образ человека, внезапно схватившегося за грудь и рухнувшего лицом в мостовую, до сих пор стоял перед глазами, но в хаосе последних минут он не успел его осмыслить.

— Я заметил, — процедил он, не сбавляя темпа. — Думал, просто пьяный или сердечный приступ.

— А вот хер там! — рявкнул Отто. — В тот самый момент, когда этот бедолага сыграл в ящик, я почувствовал вспышку эфира! Огромную! Я тебе говорил — как удар молнии! Но

я тогда не сложил два и два, потому что сам чуть не обоссрался от неожиданности! А теперь слушай сюда, сержантик, и слушай внимательно, потому что то, что я сейчас скажу, тебе, блядь, не понравится!

Они свернули в узкий переулок, где воздух был пропитан вонью гниющих отбросов и речной тины. Карета на мгновение скрылась из виду, и Отто, пользуясь тем, что не нужно перекрикивать ветер, заговорил быстрее, но тише, словно боялся, что его услышит сама ночь:

— Я готов поклясться чем угодно — своей душой, если она у меня есть, своим Драконьим Пламенем, да хоть своей увеличенной печенью, — я видел, как пацан в тот момент шевелил губами. Не просто бормотал себе под нос, как делают дети, когда играют. Он говорил. Чётко. Ритмично. И в тот же момент — бах! — мужик падает, а эфир вспыхивает так, что у меня чуть глазницы не лопнули!

Сандор на мгновение сбился с ритма, чуть не споткнувшись о выбоину в мостовой, но выправился и побежал дальше. В его голове, привыкшей к солдатской прямоте и конкретике, эта информация отказывалась укладываться.

— К чему ты клонишь, Отто? — спросил он, и его голос, несмотря на всё самообладание, дрогнул. — Говори прямо. Без загадок. Без твоих заумных увёрток. Что ты имеешь в виду?

Отто молчал несколько секунд, и в этом молчании было больше ответа, чем в любых словах. Затем он заговорил, и каждое его слово было тяжелее свинца:

— Я имею в виду, что нам нужно как можно быстрее вернуть пацана Билли и задать им обоим — и отцу, и сыну — кучу вопросов. Очень много вопросов. Например, откуда вообще взялся этот пацаненок. Или почему его сила так похожа на силу Сары.

Они выбежали на небольшую площадь, в центре которой стоял засохший фонтан, украшенный облупившейся статуей русалки. Карета снова показалась впереди — теперь она была дальше, расстояние начинало расти, и это было плохо, очень плохо. Но Сандор не мог не спросить:

— Ты говоришь так, будто... будто то, что мы узнали раньше — про Косы, про драконов, про ересь Гипериона, — было только началом. Будто есть что-то ещё.

Отто издал короткий, лающий смешок, в котором не было ни капли веселья.

— А ты как думал, сержантик? Думал, я тебе в лесу, за один присест, выложил всю историю мира? Всю, до последней страницы? Ну прости, блядь, что не уложил сто пятьдесят лет жизни, полную историю Ордена Кос, грязные тайны дюжины королей, трёх императоров и полубогини в один уютный рассказ у костра! Там, в лесу, я рассказал вам ровно столько, сколько нужно было, чтобы вы не спятили от ужаса и не начали задавать вопросы, на которые у меня нет ответов! Но сейчас... — он снова посмотрел вперёд, на удаляющуюся карету, и его глаза, отражающие лунный свет, блеснули холодной, древней сталью, — сейчас, похоже, мне больше нет смысла скрывать магию. Совсем нет. Потому что если я окажусь прав, то всё, что приключилось с нами до этого — Дариус, Рокбэлл, Казимир и его заговор, — всё это просто детская сказка. Уютная колыбельная. По сравнению с тем, в какой пиздец мы, возможно, вляпались сейчас.

Он обернулся к Сандору на бегу, и в его лице было что-то такое, чего Сандор никогда раньше не видел. Не страх. Не ярость. Не циничная весёлость. А глубокая, почти религиозная тревога — тревога человека, который прожил полтора века и думал, что видел всё, но внезапно обнаружил, что стоит на пороге абсолютно неизведанного.

— Весь мир может перевернуться, Сандор. Всё, что мы знаем о магии, о Косах, о драконах — всё может оказаться лишь верхушкой айсберга. И нам нужно молить судьбу, судьбу, в которую ты не веришь, и всех драконов, которые сдохли, чтобы я ошибался. Чтобы мальчишка оказался просто странным ребёнком с необычным даром. Потому что иначе... — он не договорил, но Сандор понял.

Сандор сплюнул на бегу — горькую, вязкую слюну, смешанную с кровью из разбитой в драке губы, — и процедил сквозь зубы:

— Чем дальше в лес... — Я тебе что, странствующий сказитель? Бард с арфой? Ты хочешь, чтобы я, пока мы бежим за каретой с похищенным пацаном, который, возможно, перевернёт всё наше понимание магии, устроил тебе лекцию на тему «Вся херня, которую я скрывал от вас, в алфавитном порядке»? Уволь, сержантик. Будет время — расскажу. Если доживём.

Карета тем временем удалялась всё сильнее. Расстояние между ними росло, и Сандор уже начинал понимать, что пешком им её не догнать. Мышцы горели огнём, лёгкие работали на пределе, а цель ускользала, как вода сквозь пальцы. Он уже открыл рот, чтобы предложить какой-то отчаянный план — любой, даже самый безумный, — когда Отто вдруг резко остановился, схватив его за рукав с такой силой, что ткань затрещала.

— Гляди! — выдохнул он, указывая куда-то вбок.

У обочины дороги, в тени высокого, облупленного здания с заколоченными окнами, стояла карета. Не экипаж — простая, грубоватая телега, но на крепких рессорах и с двумя мощными, тяжеловозными лошадьми, впряжёнными в неё. Лошади, судя по всему, принадлежали какому-то торговцу или, возможно, докеру — они были крупными, широкогрудыми, с густыми гривами, сейчас нервно прядавшими ушами. Возница отсутствовал — видимо, владелец оставил повозку на минуту, чтобы заняться каким-то делом, — и это была та самая возможность, которую даёт судьба только отчаянным.

— За мной! — бросил Отто, уже срываясь с места.

Они добежали до телеги одновременно. Отто запрыгнул на козлы первым, схватил вожжи и, не тратя времени на то, чтобы усесться поудобнее, резко встряхнул ими. Сандор вскочил следом, едва удержав равновесие на подножке, и в тот же момент лошади, всхрапнув от неожиданности и возмущения, рванули с места. Телега дёрнулась так, что Сандор чуть не слетел, но удержался, вцепившись в деревянный поручень. Копыта застучали по брусчатке с оглушительным грохотом, телега завилыла, но Отто, матерясь сквозь зубы и работая вожжами, как заправский кучер, выровнял её и направил вслед за исчезающей впереди каретой.

— Ты умеешь править лошадьми?! — крикнул Сандор, перекрывая шум.

— Я умею всё, что нужно для выживания, сержантик! — проорал Отто в ответ. — Пятьдесят лет назад я угнал карету у одного зазнайки из Заратраса! С тех пор навык не терял! А теперь заткнись и смотри вперёд! Ищи повороты! Если мы врежемся, я тебя лично воскрешу и убью снова!

И началась погоня.

Ривергард ночью был лабиринтом — тёмным, коварным, полным неожиданных поворотов, узких арок и внезапных спусков к реке. Карета похитителя неслась впереди, лавируя между редкими прохожими и брошенными тележками, и телега Отто следовала за ней, не отставая, но и не приближаясь. Сандор, одной рукой вцепившись в поручень, а другой сжимая копьё, смотрел вперёд, выкрикивая препятствия: «Налево! Бочка! Направо! Повозка!» — и Отто реагировал мгновенно, с той сверхъестественной скоростью, которая выдавала в нём Косу Смерти даже без магии.

Улицы мелькали, сменяя друг друга, — узкие и широкие, мощёные и грунтовые, освещённые редкими фонарями и погружённые в абсолютную тьму. Один раз они пронеслись через какой-то рынок, где запоздалые торговцы, убиравшие свои лотки, бросились врассыпную с криками ужаса. Другой раз — через площадь, где пьяные зеваки, заслышав грохот копыт, решили, что это нападение, и начали кидать в телегу пустыми бутылками. Сандор пригнулся, и одна из бутылок просвистела над его головой, разбившись о стену позади. Он даже не обернулся.

Затем начались мосты. Ривергард был разделён рекой на две части, и их соединяли два больших каменных моста и несколько деревянных, поменьше. Карета похитителя, не сбавляя

скорости, понеслась по одному из таких деревянных мостов — узкому, без перил, перекинутому через чёрную, маслянисто блестящую в лунном свете воду. Телега Отто последовала за ней, и здесь началось самое страшное. Мост был старым, построенным явно не для такой бешеной гонки, и его доски стонали и прогибались под тяжестью телеги. Вода внизу была чёрной, как смола, и несла в себе запах тины, гнили и чего-то химического, что сбрасывали в реку доки. Один неверный поворот — и они бы рухнули туда вместе с лошадьми.

Но Отто держал. Он вёл телегу так, словно занимался этим всю жизнь, — прищёлкивая языком, подстёгивая лошадей и одновременно придерживая их, когда нужно было вписаться в поворот. Сандор, глядя на него, в очередной раз поразился тому, как много скрывается в этом старом, циничном теле, которое он когда-то считал просто складским пьяницей.

На другом берегу погоня продолжилась. Карета свернула в узкий проулок между двумя глухими стенами пакгаузов, и телега, заскрежетав бортами о камень, протиснулась следом. Искры летели во все стороны, дерево трещало, но они прорвались. Затем был ещё один мост — на этот раз каменный, широкий, с массивными арками, — и здесь карета похитителя на мгновение замедлилась, пытаясь объехать брошенную кем-то тачку с углём. Отто воспользовался этим: он хлестнул лошадей, и телега рванулась вперёд, сокращая разрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.